

Александр Прокопьевич Леонов родился в 1921-м году в Сибири. Ветеран Великой Отечественной Войны. Награждён орденами и медалями. Женат. Имею двух сыновей и четыре внуки.

СИБИРЬ (ВОСПОМИНАНИЯ)

А память моя жива – теперь можно заняться воспоминаниями о прожитом. Оглядываясь назад, я очень чётко вспоминаю отдельные моменты, начиная с самого раннего детства.

Я помню, как моя мама укладывала меня на ночь спать. Бывало, накроет одеялом, перекрестит, поцелует и скажет: „Теперь спи спокойно“. Минуты сказочные эти навек оставил в сердце я. Дороже всех наград на свете мне эти тихие слова.

В большинстве случаев мы спали вместе с братьями на полу или на палатах. Тогда уже сон приходил не скоро, потому что шутки, смех разговоры продолжались очень долго. Ещё до сих пор в моей памяти, как в зеркале, я вижу возню с братьями на полу перед сном. Один из братьев приглашал меня к себе, чтобы я лежал рядом с ним, другой к себе. В большинстве случаев я располагался между Михаилом и Степаном. Я их обнимал, а другим братьям говорил, что с ними лягу в другой раз.

Я не помню ни одного случая, чтобы между братьями была ссора, ругань какая-то. Я и сейчас удивляюсь - как это в такой большой семье царила дружба. Девять братьев, отец с мамой - такое множество народа и - на тебе - тихо, спокойно. Это просто удивительно. Чем дальше уходит время от моего детства, тем больше я восхищаюсь той обстановкой дружелюбия, которая царила в семье.

Я хорошо помню, как мы садились за стол обедать или ужинать. Отец садился на главном месте, под иконой, рядом с ним - старшие братья с обеих сторон, а мы, маленькие, рядом с Мамой.

После ужина, который состоял из каких-то винегретов, каши с маслом, или яичницы на молоке, мы начинали чаепитие. Все ждали этого момента, так как к чаю Мама всегда подавала что-нибудь вкусненькое.

Нельзя сказать, что каждый день мы все собирались на ужин. По каким-то причинам были и отсутствующие. Не каждый день, но в основном семья собиралась на ужин в полном составе. Чаепитие начиналось с того, что отец колот сахар. В то время сахар продавали большими кусками весом до килограмма. Этот большой кусок, теперь я уже точно могу сказать, напоминал Египетскую пирамиду. Отец брал в руки этот кусок и большим столовым ножом

раскалывал его на более мелкие кусочки - как сейчас пиленый сахар. Кусочки складывались в сахарницу. Казалось бы, обычное дело - все берут сахар и пьют чай. Но особенность нашего чаепития состояла в его окончании. Каждый, закончивший пить чай, подходил и подавал мне кусочек сахара. Пусть это был небольшой кусочек, но он до сих пор является как бы эликсиром здоровья на моё сердце. В то время эти кусочки сахара для взрослых, может быть, и были игрой, но игрой любви, нежности ко мне.

Часто во время чаепития старшие братья подшучивали над родителями такой скороговоркой: шёл Прокоп со своею Прокопихой, а за ними шли маленькие Прокопенятишки - Минька, Санька, Стёпка, Ванька, Сенька, Васька, Димка, Володька, Порфишка. Кто был сочинителем этой скороговорки, я не знаю, но хорошо помню, что она вызывала у родителей радостный смех и они были очень довольны этой шутке. Конечно же - все мы долго смеялись.

Когда на ужин подавалась каша, то обязательно Отец или старшие братья говорили - “Мама, если ты сварила кашу, то не жалей масла”. Это тоже распространённая поговорка в семьях. Хотя она была известна всем, но когда такая поговорка была высказана к месту и вовремя, то она вызывала оживление. А в самом деле Мама не жалела масла к каше и к блинам. Для блинов разогретое масло ставилось в миске на стол, каждый скручивал свой блин трубочкой и обмакивал в масло. Часто на бороде и руках оставался обильный масляный след. И здесь тоже была поговорка – “Если тебя увидит корова, то она тебя забодает”. Это значит - надо привести себя в порядок.

Во время обеда Мама подавала суп в большой миске. Все мы, кто по очереди, кто без очереди, зачерпывали суп. Как правило, в миске было много мяса. Естественно, кто-то брал подряд один за другим куски мяса, а кто-то брал не так часто. Одним словом, кто-то был счастливчик и ему всё время попадалось мясо, он же не виноват! Отец в поучительных целях рассказал такую быль-небылицу: “Когда-то в далёкие, далёкие времена жил богатый хозяин, детей у него не было. Для работы по хозяйству он нанимал батраков. Когда работники садились обедать, то хозяин зорко следил за ними. Если кто-то из работников долго задерживает свою ложку в миске, то хозяин бил его ложкой по голове и приговаривал - “не зевай”, а если кто-то брал один кусок мяса за другим, тогда хозяин бил его ложкой по голове, приговаривая – “не вылавливай”. Отец не был жадным, а вот такой рассказ - это пример поведения за общим столом. После такого рассказа мы, часто сидя за столом, для разрядки обстановки, употребляли эти выражения - “не вылавливай”, “не зевай”.

Вот такие рассказы глубоко застревают в памяти и передаются из поколения в поколение. Сейчас в семьях не кушают из общих мисок, каждому своя - хочешь, вылавливай, хочешь не вылавливай. Тем не менее, когда я рассказал своим сыновьям эту быль, то они долго смеялись, дурачились и даже ударяли друг друга по голове, приговаривая - “не зевай, не вылавливай”.

Будучи уже в зрелом возрасте, при очередной встрече, мне мой брат Михаил напомнил, как он в том далёком детстве попал в неудобное положение со мной. Мы выяснили, что в то время я ещё не понимал, когда надо говорить «дай» и «на». Вот на этом «на» меня и поймал Михаил. Как-то я вздумал попросить что-то у Михаила, протянул к нему руку и сказал: «на». Он посмотрел на мою руку, видит, что она пустая, удивился и, в свою очередь, ответил: «ну, давай». Мне это не понравилось. Я, видимо, понял, что Михаил издевается, и повторил уже с выражением недовольства, с требованием, - «на!,на!», и вновь протянул руку, чуть не плача. У Михаила появились сомнения - что же это со мной творится. Но, видя, что я сопли начинаю распускать, начал показывать на предметы, лежащие около него. Когда Михаил коснулся жвачки, а у нас она называется «сера», то я несколько раз повторил: «на! на!». Вот только теперь, говорит Михаил, он понял, в чём дело. Михаил начал меня тренировать, пока я не понял, что означает это несчастное - «на». Впоследствии, если надо было посмеяться, то звучало - «на, на», я не стал сердиться, смеялся вместе со всеми и больше всех.

Отец никогда не притрагивался рукой к сыновьям в целях наказания. Никто из братьев никогда не говорил, что его родители били, или по-другому как-нибудь унижали. Только вот я расскажу, как отец один раз за что-то, всё-таки, наказал меня. Вот только, за какой проступок, я забыл.

Дома, кроме мамы, были братья. Я в трепете ожидал прихода отца. Когда пришёл отец, то все затихли. Отец о чём-то переговорил с мамой, а потом вышел на середину комнаты с ремнём в руках и сказал - Шурка, ты свой проступок понимаешь и за это ты должен понести наказание. Я сжался в комочек в готовности орать во всё горло. Отец, бросая ремень на пол, сказал, что вместо ремня он намажет мне губы горчицей. Я вижу на пальце у него порядочный кусок какой-то коричневой массы. Отец схватил меня в охапку и размазал по губам эту массу. Я кричал во весь голос. Отец отпустил меня, я своими руками начал снимать с губ эту горчицу. Каково же было моё удивление и громкий смех всех присутствующих, когда все поняли шутку. Я тоже понял и начал смеяться вместе со всеми, облизывая свои сладкие от мёда губы. Отец, посмеиваясь в свои усы, довольный ходил по комнате.

Ну а теперь уже пора рассказать – что тут у нас за семья. Прежде всего, начну с себя.

Я родился 6-ого июня 1921-го года в деревне Березово Новокузнецкого района Кемеровской области. В те времена было другое административное деление: Сталинский район, Западно-Сибирский край.

Мои родители: Отец - Леонов Прокопий Игнатьевич родился в 1885-м году в деревне Кривели Монастырщенского района Могилёвской губернии, Белоруссияю

Мама - Ксения Гавриловна - родилась в 1883 году, в той же деревне, что и отец. В каких семьях родители жили и воспитывались я, к моему великому сожалению, не знаю. Знаю только то, что отец был не из бедной семьи, а мама из бедной. Родители поженились в 1904-

году. Родители отца были против женитьбы потому, что мама была на два года старше своего возлюбленного и, по существу, бесприданница. Если сын не послушался своих родителей и женился против их воли, то отношения между ними становились критическими. Жить в одном доме с родителями и быть врагами отец не захотел и уехал пока один в Сибирь, в поисках лучшей жизни. Мама не могла ехать вместе с отцом, так как она была беременна. В 1905-году мама родила сына, которого назвали - Дмитрием. Когда Димке исполнилось 5-ть лет, Мама через всю Россию, одна с ребёнком, добралась до Сибири, где её ждала непредвиденная радость.

Отец устроился работать лесничим – объездчиком. За ним закрепили участок в несколько десятков гектаров леса. Чтобы не допустить незаконной вырубki леса, для своевременного предупреждения возникновения пожаров, ему выделили лошадь. Кроме того, разрешили построить дом непосредственно у самого леса, где ещё были построены два десятка домов. Это селение называлось Малый Кирлягеш. Мама нашла в доме большую бочку коровьего топленого масла, мёд, варенье, муку, соль, сахар - короче говоря, всё необходимое для жизни. Во дворе была корова, которая давала много молока. Мама говорила, что не знала куда его девать. Отец по службе уходил в лес на несколько дней. Маме было очень страшно, но Димка успокаивал её - ты, мама, не бойся, у папы есть ружье, я тебя буду защищать.

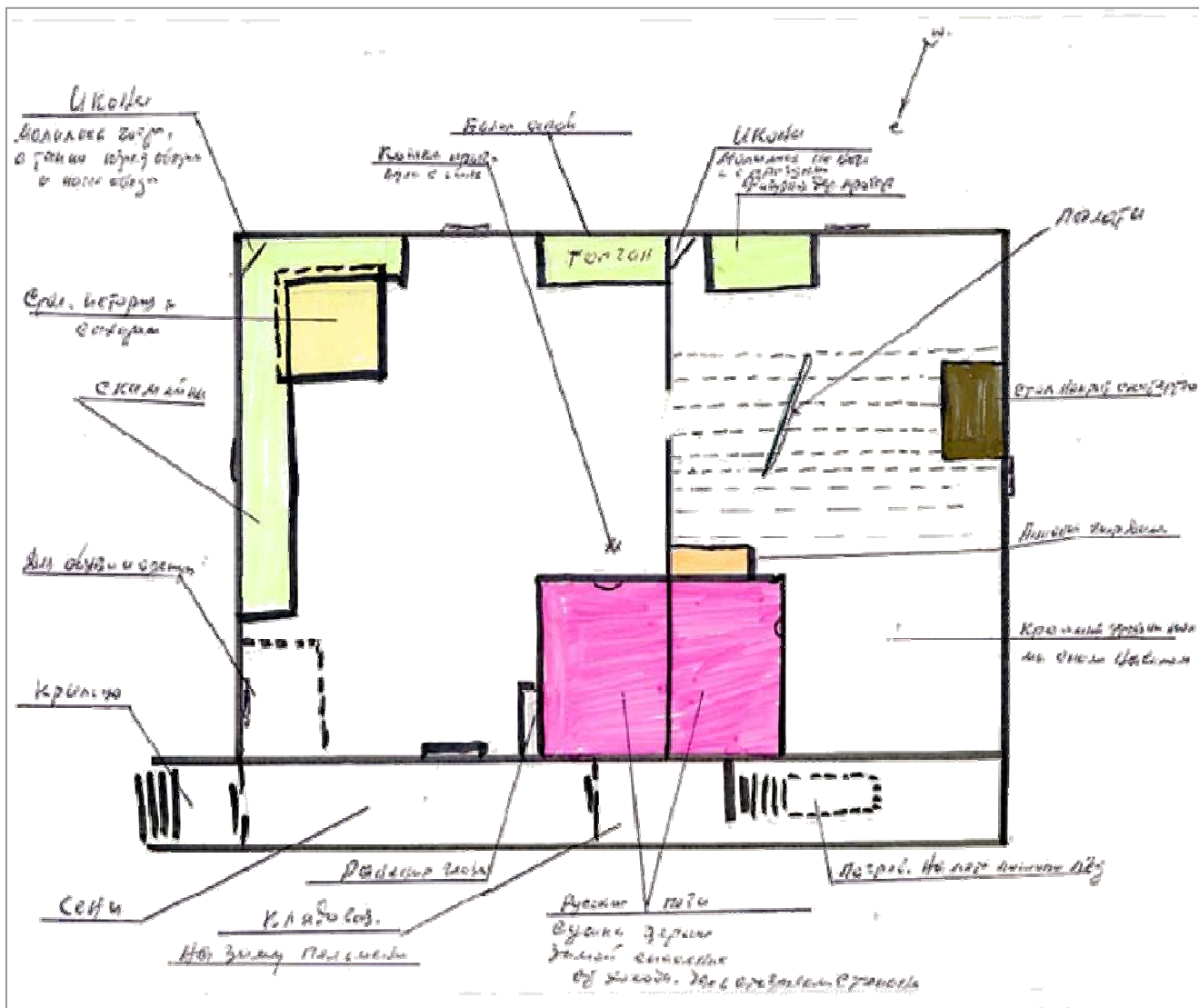
Дом в буквальном смысле находился в лесу. Чтобы набрать ведро ягод, нужно было просто выйти за угол дома - и собирай ягоды или грибы. Такая встреча со своим мужем радовала мою маму, и она полностью и с большой любовью посвятила себя служению мужу и сыну. Мама перерабатывала молоко на сметану, масло и творог. Отец занимался реализацией. На зиму Мама заготавливала различные соленья: грибы, огурцы, а также варения из различных ягод. Хорошая, плодотворная жизнь и любовь не заставили себя долго ждать. В июле 1911-го года родился второй сын, которого назвали Владимиром. Первому сыну, а моему старшему брату Дмитрию уже исполнилось 6 лет, поэтому встала задача - а где же учить парня, по близости школы ведь не было.

Правда, мысли о переселении родились не сразу, они вынашивались давно. Видимо, отец занимался разведкой уже порядочное время. Вновь маме был преподнесен сюрприз.

В один прекрасный день отец пригнал к дому две подводы - лошади, запряженные в телеги. И сказал - будем переселяться на новое место. Новое место оказалось недалеко - всего 18-20 км. Мама говорила, что когда отец пригнал лошадей и сказал - будем переезжать на новое место, то она даже рассердилась, и всю дорогу была злая на отца. Но когда подводы остановились на окраине большой деревни у деревянного дома, а отец сказал, вот, Ксюша, твой новый дом, будь хозяйкой, а я тебе буду помогать, то мама расплакалась, обняла и поцеловала отца. Не удивительно, что мама заплакала. Что говорить, даже у меня появляются слезы

умиления, когда я начинаю перебирать в памяти вот такие эпизоды из жизни моих родителей и семьи.

Осуждать отца за то, что он тайно строил дом, я не хочу и не имею права. У него было свое видение проблемы. Может быть, отец не хотел нервировать свою жену, которую искренне любил. Ведь мама в то время была, к тому же ещё, беременна.

Дом, в котором я родился

Дом бревенчатый, срубленная коробка, а посередине перегородка. Таким образом, внутри дома появилось пять стенок - двухкомнатная квартира. Комнаты были большие, не менее чем по 30 м² каждая.

В каждой комнате были русские печи, занимавшие почти четвертую часть этих комнат. Такие большие печи имели двойное назначение. В зимние холода на них можно было свободно спать трём взрослым, или нас, маленьких, можно было уложить 4-5 человек. На этих печках сушили зерно перед помолом. Горячее зерно, кроме того, являлось своеобразным лекарством. Во второй комнате были устроены палаты. Это второй потолок ниже основного на 60 см. Такое устройство даёт возможность наиболее полно использовать помещения. Там мы спали, когда на полу было холодно.

Какими же были мои родители? Прежде всего, они были великими детолюбцами, а чтобы любить детей, нужно было искренне и горячо любить друг друга. Именно такими, горячо любимыми, они были всю свою жизнь. Любовь, ласка, нежность определяются не только потому, сколько и кто кого обнял или поцеловал за день или сутки, хотя это немаловажно и существенно в жизни. Оказывается, есть и более тонкие нити, показывающие на хорошие любовные взаимоотношения мужа и жены. Они хорошо видны тогда, когда муж и жена, даже мимолётно, встречаются взглядами. Не зря бывалые люди говорят, что любовь зарождается во взглядах. Тем более, если взглянуть на положение моих родителей. Сидит один сын, ещё ничего, можно родителям обняться и поцеловаться, но когда сидят и разинув рты глядят девять сыновей, каково же будет положение родителей, если они начнут ни с того, ни с сего целоваться, да и детям-то в этом положении, хоть стой, хоть падай. Правда, это не значит, что родители должны обходить друг друга стороной. Нет, конечно, отец часто подходил к Маме, клал ей свои руки на плечи, гладил по голове и говорил - ты наша надежда, ты настоящая наша Мама, мы тебя любим, береги себя.

Кто мог поверить в то, что Мама с завтрашнего дня начнёт беречь себя, и как это можно было делать, я не могу понять. Сидеть и подавать команды – ты, Владимир, сделай то, а ты, Иван, – вот это, невозможно. Если бы в семье были девочки, хотя бы две, тогда можно было одну заставить коров доить, вторую - обед готовить. А вот когда десять мужиков и одна Мама, то – попробуй, побереги себя. Конечно, за водой ходили только братья или отец, это я точно знаю. Было много и других работ, где обходились без Мамы, но всё-таки, сказанные слова – «береги себя», приятны для уха, не больше того.

Отец внешне выглядел крепкослаженным мужчиной выше среднего роста 175-180 см. Носил бороду и усы, цвет волос темный, с пшеничным оттенком. Черты лица правильные, нос прямой. Лицо было смуглое, загоревшее, так как он большую часть суток, как правило, находился на свежем воздухе. Во взгляде была улыбка, он был жизнерадостный. Одним словом, красивый мужчина. За своими делами он постоянно насвистывал или мурлыкал какие-то мелодии, или тихо напевал. Волосы были нормальной длины. Как бы сейчас я не напрягал свою память, не могу вспомнить цвет глаз отца. Не имея фотографии Папы, сейчас я не могу определить, кто же из моих братьев больше всего похож на него. На мой взгляд, как мне это представляется, больше всего на Папу похож брат Порфирий. Вообще-то, когда начинаешь внимательнее вглядываться, то какое-то сходство с отцом есть и у Владимира.

Свою внешность отец поддерживал в достойном виде. Выезжая по делам в город, часто возвращался с выбритыми - то усами, то бородой, но никогда я не видел его полностью бритым. За собой он следил не ради того, чтобы покрасоваться, ему приходилось часто бывать на людях, ведь он был постоянный участник всех собраний и различных сходов. Он выступал за НЭП'о, когда была разрешена частная собственность. Впоследствии он резко критиковал начало

коллективизации. Папа по тем временам был грамотным, к нему обращались жители деревни со всевозможными просьбами - кому написать заявление, кому какую-то просьбу. Папа никому не отказывал, поэтому он как-то неожиданно приобрёл популярность, которая сыграла злую шутку в дальнейшей его судьбе.

Однако не политика интересовала Папу, а как быстрее наладить свою крестьянскую жизнь. Ведь, чтобы работать на земле, уметь хорошо обрабатывать её, нужны рабочие руки, техника, знания и, главное, нужно любить эту землю и крестьянский труд. Когда разрешили свободно трудиться на земле, Папа бросил лесничество и взялся за обработку земли. Он видел перспективу в подрастающих детях. К двум сыновьям – Дмитрию и Владимиру – прибавилось пополнение: Порфирий - 1913-ый год, Василий- 1914-й год, Иван- 1916-й год, Степан - 1917-й год, Михаил - 1919-й год, я в 1921-ом и самый последний - Семён в 1925-ом году.

Мама рассказывала, что Папа чуть не прыгал до потолка, глядя на подрастающих сыновей, связывая это с развитием собственного хозяйства. Старшие сыновья с большим желанием кидались помогать отцу, видя такую активность его во всех делах. Однако из них помощники ещё были неполноценные. Тем не менее, родители радовались, что сумели разжечь огонь в сердцах детей на тяжёлый крестьянский труд.

Главным и основным помощником, по-прежнему, оставалась Мама - эта тихая, скромная, не знающая покоя ни днем, ни ночью. Как я её сейчас вижу - худенькая, но полная неиссякаемой силы и жизненной энергии, нежная женщина. Прошло уже 80 лет со дня моего рождения, но я не могу забыть, более того - понять, как же Мама могла вести такое хозяйство. Надо было варить обеды, кормить такую ораву ртов. Было бы еще ничего, если бы всем подходила одна и та же пища, но ведь малышам нужна была другая, более нежная пища. Кроме этого, нужно было мыть и стирать, надо было штопать или шить. Я помню, как после завершения домашних работ Мама бежала в поле на помощь отцу. Я не помню, не видел, чтобы Мама сидела хотя бы минуту без дела. Даже помню, как Мама ткала на ткацком станке, установленном в комате.

В детстве Мама не училась, по всей вероятности, из-за трудного семейного положения. Мама не любила бросать тень на своих родителей, но так, из её редких откровений, становилось ясно, что в родительском доме она везла весь воз домашних хлопот.

На этом снимке Мамина сестра со своей семьёй. Сестра - Татьяна Гавриловна. Муж Татьяны - Филипп Зубачёв. Мамины племянники - старший Егор. Младший - Иван. Мамина племянница- Мария. Этот снимок

довоенного времени, со смоленщины они переехали на Украину. Переписка была до начала войны. Племянник Егор служил в армии на сверхсрочной службе.

Теперь мне становится более ясно, что одной из притягательных сил Отца к девушке Ксюше, кроме всего прочего, было её трудолюбие, и это определило его выбор жениться на ней. В доме была швейная машинка “Зингер” - по тем временам редкая вещь в деревне. Без такой машинки в нашей семье обойтись было бы трудно. Мама хорошо владела ею, нас – мелюзгу – сама обеспечивала всей необходимой одеждой, даже зимними пальто.

Родители были общительны с дузьями моих братьев, да и с моими. С моими друзьями отец, как правило, здоровался за руку, придавая этим самым какую-то важность встречи, чему пацаны были удивлены, ведь таких рукопожатий в других домах не было. Отец всё это делал на полном серьёзе. Много раз отец вводил какого-либо мальчика в растерянность, спрашивая его, что это твоя мама сегодня ночью кричала. Мальчишка с большим удивлением отвечал – не знаю. Отец просил его узнать, и в следующий раз ответить. Были случаи, когда знакомые соседки приходили и спрашивали, откуда ты, Прокопий, взял, что я кричала ночью? Но раз ты утверждаешь, что не кричала, спрашивал отец, тогда плохой твой муж, если он по ночам не любит тебя. Женщина делала “тьфу” и говорила моей маме - Гавриловна, когда ты насытишь своего жеребца, столько детей настрогал, и всё еще только про это думает.

С друзьями старших братьев уже шли более серьёзные разговоры - как идут дела в хозяйстве, какую технику планируют приобретать, другие более насущные вопросы. Иногда раздавался громкий смех, видимо, это уже был чисто мужской разговор. Старшему моему брату Дмитрию было уже около двадцати лет, а отцу около сорока. Разница в возрасте не являлась причиной для обсуждения вопросов брака и семьи, рождения детей.

Мне запомнилась только одна единственная вечеринка в доме, к которой готовились тщательно. Отец готовил брагу, варил самогон, а мама пекла, жарила и варила различные кушанья. Чему было посвящено это гуляние, не знаю. Было много народу, веселились, пели песни. Родители были весёлые, приветливые. Папа, конечно же, пел свою коронную песню - Акульку.

*Помнишь, Акулька, мгновенье
Разволновавшее кровь.
Первое наше сближенье -
Первую нашу любовь.*

*Ты пойло свиньям носила,
Чистил я скотный сарай.
Ты на ногу мне наступила,
Как будто совсем невзначай.*

*Я ж тебя, дуру, лопатой
В шутку огрел по спине.
Ты крикнула: чёрт волосатый,
И улыбнулась мне.*

*Часто тебя вспоминаю,
Грезилась ты мне во сне.*

*В зимние тёмные ночи
Сидя на скотном дворе,
Девочка ты, Акулина,
Старый бобыль я давно.
Льнёшь ты ко мне сиротливо.
Ну, да Бог с ним, всё равно.
Часто с тобой обнимались,
Словно в похмелье, во сне.
Что в результате случилось-
Дочка родилась к весне.*

Больше в доме таких вечеринок не было. Отец, выезжая в город для реализации излишков продовольствия или фуража, иногда возвращался под хмельком, но это было так редко, что эти единичные случаи хорошо запомнились. Позволял эти сто грамм отец, видимо, тогда, когда была удачная сделка. Всё внимание – делам семейным, делам хозяйственным.

Отец постоянно увеличивал поголовие домашнего скота. Во дворе прогуливались две коровы, бычок. Было несколько овец, свиней, разнообразная птица - утки, гуси, курицы, индюки. В хозяйстве были три лошади. Через кооператив, в котором отец был пайщиком, были приобретены плуги, бороны, сенокосилка и другой инвентарь. От одного перечисления всего этого богатства у меня сейчас даже волосы встают дыбом. Сколько и как нужно было работать, чтобы всё это пришло в дом, в хозяйство. А работы стоят в очереди, одна за другой, пропустить сроки – смерти подобно. Как начал весенние полевые работы, - так до следующей весны, и так бесконечно. Пахать землю, сеять зерно, наблюдать за ходом роста урожая, подкармливать, пропалывать, а когда созрел урожай, его нужно убрать, скосить, обмолотить, а зерно доставить домой и заложить на хранение. Кроме того, ведь нужно посеять картофель и овощи, а они тоже требуют особого ухода и заботы. На зиму, для скота, тоже потребуется корм и для его заготовки отводится всего одна неделя - сено косят, когда трава сочная, душистая. Вот самый минимальный перечень работ, невыполнение которых приведёт к голодной смерти крестьянина, его семью и скот зимой.

Для хранения урожая, рядом с домом был построен амбар со всевозможными перегородками, сусеками, ларями. Для зимовки скота построен крытый, но не утеплённый сарай, хотя бы укрыть скот от больших ветров и снегопадов зимой. Всего было выкопано три подвала для хранения картофеля, овощей и пчелиных ульев зимой.

В дальнем углу нашего двора стояли пять пчелиных ульев, уход за пчёлами – это особая наука. Не знаю, в полной ли мере Папа владел пчеловодством, только хорошо помню, как он летом выкачивал мёд. Доставал из улья рамку, в которой все соты были заполнены мёдом. На рамке было много пчёл, которых Папа обдувал дымом. Пчёлы улетали с рамки в улей. Папа вставлял рамку с мёдом в аппарат для выкачивания мёда. Чтобы пчёлы не кусались, нужно было надевать нарукавники, а на голову и лицо сетку, напоминающую скафандр космонавта.

Не могу забыть, как Папа со специальной сеткой гонялся за роем пчёл. Рой пчёл садился на дерево и Папа за ними, чтобы поймать. Прежде всего, нужно было словить Матку. Если удавалось её поймать, то весь рой был спасён. Если не удавалось, то вновь зародившийся рой, целая новая пчелиная семья где-то погибала или поселялась в дупло дерева. Я лично в пчеловодстве ничего не понимаю, кроме того, что люблю мёд.

Из детских воспоминаний ещё сохранились укусы пчёл - очень неприятное ощущение. От кого-то из взрослых слышал, как разыгрывали ребятишек, посылая их понюхать леток улья. Особенно поддавались на такую провокацию городские ребятишки. Подойдёт мальчик к улью, а на него нападает десяток пчёл, где там наклоняться и нюхать в леток - быстрее убегай и спасайся. Правда, мне самому не приходилось участвовать в такой игре. Деревенская молодёжь способна на выдумки и активно участвует во всевозможных розыграшах.

Папа рассказал, в связи с трудностями крестьянской жизни, вот такую быль. Одному крестьянину приснился сон, будто он разговаривает с Богом. Крестьянин просит Бога дать ему совет, как жить, чтобы дела пошли лучше. Бог дал ему совет:

1. 1.Спать крепко;
2. Кушать вкусно и сладко;
3. Работать весело.

Крестьянин начал выполнять советы Бога:

1. Спал крепко и долго.
2. Кушал самые вкусные печения, варения.
3. Выезжал в поле выпавшись, весёлый, когда у соседей уже был обед.

Пришла осень, все собирают богатый урожай, а у нашего героя ничего не уродилось. Он начал роптать на Бога, и в одну ночь ему опять явился Бог с вопросом, как он выполнял указания Всевышнего. Когда крестьянин рассказал всю правду, то Бог разъяснил, как надо было понимать Советы.

1. Крепко спать, значит нужно работать так, чтобы твои кости скрипели, а мышцы болели и ты сам от усталости валился с ног и крепко засыпал там, где упал. Крепко, но немного заснув, ты от неудобного положения обязательно проснёшься и опять — за работу.
2. Вкусно и сладко кушать, значит - когда ты много и усиленно работал и проголодался, то тебе даже сухой кусок хлеба с луком будет самым вкусным и самым сладким.
3. Когда ты увидишь плоды своего труда, то будешь радоваться и продолжать весело работать.

Такие Заповеди принесут успех в любом деле, говорил отец, если им следовать разумно.

Я хорошо помню, как мы всей семьей делали пельмени. Мы называли - стряпать пельмени. Отец рубил мясо, мама готовила тесто, а мы заворачивали мясо в приготовленные мамой из теста сочни. Обязательно устраивался смотр вылепленных пельменей. Оценку сделанных пельменей определяли отец и мама. Самые неуклюжие пельмени получались у меня и у Михаила, но, тем не менее, наши пельмени оценивались за наше старание, как съедобные. Стряпня пельменей проходила весело, активно, но ещё больше мы смеялись, когда ели сваренные пельмени. Кто-то при изготовлении пельменей ухитрялся вместо мяса завернуть в тесто кусочек чеснока, щепотку мелкой соли или другое что-нибудь такое, что не могло повредить зубы. Смеялись над счастливчиком, которому попадался меченый пельмень.

Пельменей заготавливали несколько сот, а, может, и больше. Их выносили на мороз и через полчаса пельмени замерзали, тогда их складывали в мешок. В замороженном виде пельмени могли храниться долгое время. Оставалось только принести, вбросить их в подсолёную кипящую воду и через 15-20 минут пельмени готовы. Заготавливать много пельменей была наша традиция. Мало ли когда могла сложиться такая обстановка, что ждать обеда нет времени, а пельмени всегда могут выручить. И другая причина - большая семья. На такую семью каждый день пельмени не будешь делать, много возьми. А уж если собрались делать, то делали много и надолго. Как правило, это было в начале зимы.

В доме была гармошка и балалайка. Гармошка хроматического строя 25-на-25. Старшие братья умели играть на этих инструментах, правда, играли без особого желания. Я тоже начинал играть, впоследствии у меня получалось неплохо. Лучшее всех играл на гармошке Степан - у него был хороший слух. Всякий раз, когда к нам собиралась молодёжь - ребята и девчата, Степан был на высоте. А собиралась молодёжь часто.

Места в квартире хватало, да и кавалеров хоть отбавляй. Главное, что притягивало молодёжь к нам в дом - это гармошка, да и весёлые, красивые мои братья. Деревенская молодёжь на вечеринках ведёт себя раскованно, особенно девчата. Такие вечеринки - своего рода смотр художественной самодеятельности, здесь представляется возможность проявить себя, завоевать симпатии на свою сторону. Есть множество примеров, когда с этих вечеринок начинались свадьбы. В воскресные и праздничные дни пляски и песни продолжались до глубокой ночи. На всякие темы можно было услышать частушки в исполнении голосистых девчат. Из весёлых частушек, а Степан знал их множество, мне запомнились вот такие:

*Вчера днём у сельсовета
двух подкидышей нашли,
одному лет восемнадцать,
а другому - тридцать три.*

или,-

*Мой милёнок
как телёнок,
только разница одна –
мой телёнок любит сиську,
а милёнок никогда.*

Было много смеху.

Степан не только играл на гармошке, но и сам прекрасно пел под свой аккомпанимент. Как обычно, вечеринки заканчивались исполнением старинных, душевных песен – “По диким степям Забайкалья” или “Степь, да степь кругом”. Мама сидела тихо, как обычно, а глаза её светились радостью. Ну, а отец был самым активным участником - он хорошо пел, поэтому его участие расковывало молодёжь, они чувствовали себя свободно.

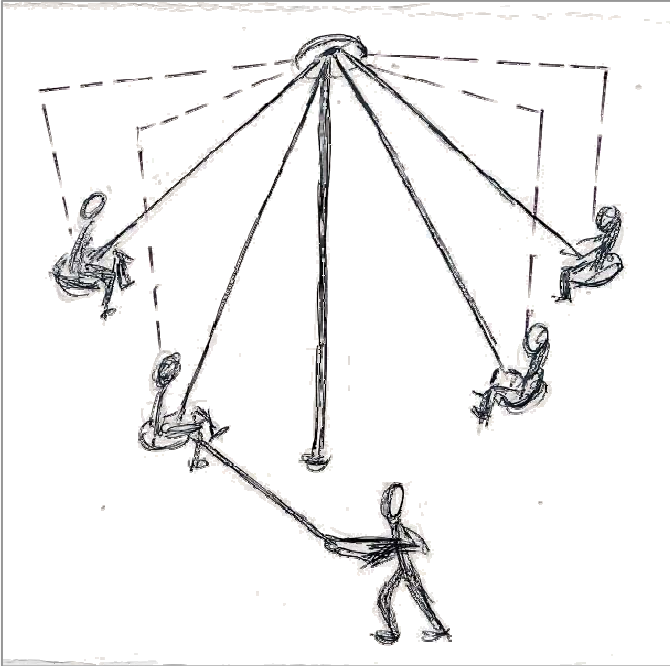
Молодёжные вечера проходили более часто в зимнее время, но удивительно, без всяких горячительных напитков. Зима приносила радости уже потому, что было больше времени для личной жизни. На Рождество, Крещение устраивались массовые гуляния на улице. Заливались водой горы и горки для катания на санках и больших санных. На маленьких санках катались дети, а на больших, конечно, без лошадей, катались взрослые мужчины и женщины. Сани коллективно завозились на гору, а оттуда, с криком – “Куча мала”, бросались на эти сани и со смехом, визгом катились вниз.

С нашей горки, что вела к колодцу, катание организовывал мой отец. Иван, Степан, Михаил и я из снега нагребали высокую горку, заливали её водой. Вода быстро превращалась в сплошной лед, и мы на санках катились почти до самого колодца, а это метров 70-100. Домой возвращались в снегу, даже обледеневшими, уставшими, но весёлыми и счастливыми.

Особое впечатление осталось от празднования Масленицы. Вся деревня, стар и мал, выходили на улицу. Зрелище было неопишимо красивым. Десятки саней, запряжённых не только лошадьми - одиночками, но и тройками, обвешанные колокольчиками, бубенцами и разноцветными лентами, мчались на большой скорости по улицам деревни и далеко за её пределы. На санных сидела красиво одетая молодёжь, громко напевая песни под звуки гармошки, которую безжалостно растягивал гармонист. Дима, Владимир и Порфирий были активными участниками этих гуляний.

Не менее интересно проходили весенние и летние праздники - Пасха, Троица. По рассказам Мама, я родился на Троицу, но точной даты Мама не помнила. Каждый раз на Троицу отец украшал дом зелёными ветками, а двор маленькими берёзками. Правда, меня никто не поздравлял, а украшения эти делались по церковным обрядам.

На Пасху, кроме куличей и всякой другой вкуснятины, было покрашено множество яиц, мы их катали и бились на спор. Такое не забывается всю жизнь. Папа придумывал для детей различные развлечения. Недалеко от дома, перед паскотиной, было ровное поле, которое ранней весной освобождалось от снега. На этих полянках мы бегали босиком, как только появлялась зелёная травка. Папа, со старшими моими братьями и их друзьями, строили карусель.

Качаться на этой карусели было большое удовольствие. Мы, правда, называли не качаться, а кататься. Папа имел организаторские способности, умел вовлечь детей в игры или в работу рядом с собой, чтобы дети не болтались попусту. Я думаю, что ему это удалось. Карусель представляла из себя деревянный столб, высотой 6-7 м., вкопанный в землю. На вершине столба крепился подшипник, обыкновенная ось от колеса. К оси привязывались четыре верёвки, под углом 90 градусов друг от друга.

Верёвки не должны касаться земли, на конце верёвки делали петлю, которая служила своеобразным сидением для пассажира. Взрослые парни, как правило, старались посадить на эти сидения девушек.

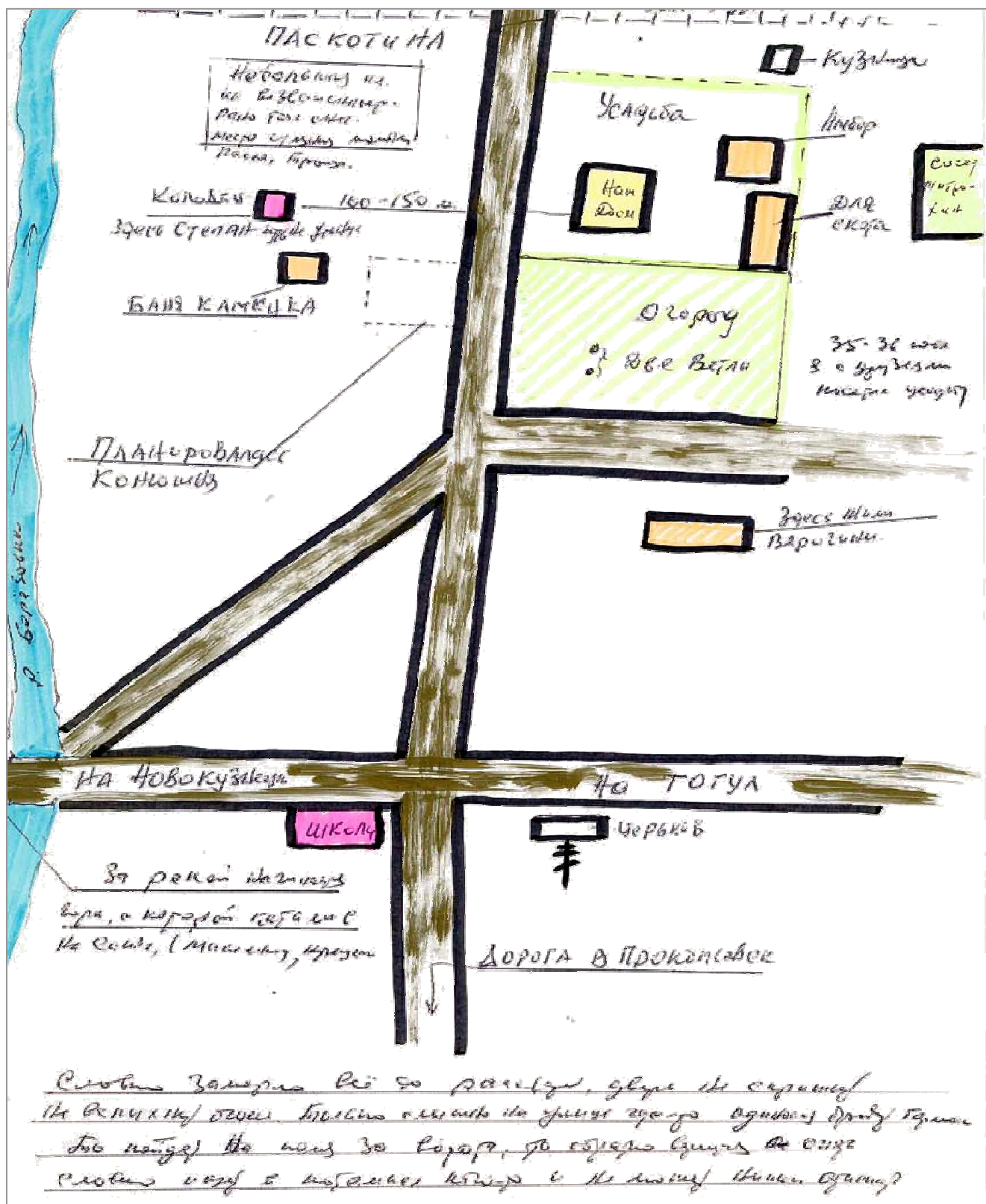
Четыре парня, вооружённые палками длиной 4-5 метров, держа один конец палки в своих руках, второй - упирали в живот или в грудь человека, сидящего в петле. По команде – “пошли”, парни медленно начинают движение, как правило, вправо, затем переходят на бег, при этом всё выше и выше поднимая каждый своего “клиента”.

Когда высота и скорость достигнуты до нормы, а норма - это когда девушки начнут кричать “ой, хватит!”, тогда парни - разводящие, по команде - раз, два, три - бросают свои палки, а карусель продолжительное время вращается, создавая впечатление полёта, куда твоя фантазия позволит.

Как правило, девушки приходили со своими кавалерами, и им не было страшно. Карусель работала все праздники – с утра до тёмной ночи. Братья увлекались этой игрой, более того, на правах хозяев, могли делать выбор, кого пропустить без очереди - этому никто не препятствовал. Мы с Михаилом подолгу проводили время у карусели, катались только в присутствии своих братьев. Однажды, видимо, уж слишком хорошо освоившись с каруселью, мы приблизились на опасное расстояние в то время, когда по команде - раз, два, три – палки разводящих полетели на землю. Одна палка, отлетев от земли, ударила Михаила в грудь. Это чистая случайность, что Михаил отделался лёгким ушибом. А то могло кончиться плачевно. Парень, который бросил эту палку, перепугался не менее, чем Михаил, обвинять его мы не имели права. Родители, узнав об этом, запретили нам появляться у карусели без старших братьев.

В деревне было около 500 домов. В больших деревнях, каким считалась наша - Берёзово, была церковь, школа - семилетка, местная власть в лице сельского совета. Деревню разделяла на два района река Берёзовка. Это не официальное деление, а просто сам народ так определил. Один берег реки был крутой, на нём располагалась меньшая половина деревни, эту часть называли “нагорный район”.

Наш дом находился на более пологом, правом берегу, вдали от реки, метров на 300, а

центр деревни вообще находился на равнине. Мы жили на самой окраине деревни.

Последним домом была кузница, далее был лес. Мимо нашей усадьбы проходила дорога от центра деревни, через лес и далее на город Бийск Алтайского края. Ездили по этой дороге только зимой, когда река Чумыш замерзала, или летом, когда можно было переправиться через реку вброд. На моей памяти редкие путешественники проезжали мимо нашего дома, и то обязательно останавливались, чтобы спросить дорогу на Бийск.

Мне кто-то рассказывал такой анекдот. Проезжает отряд солдат мимо дома. Старший подъезжает к открытому окну, увидев, что там женщина кормит грудью мальчика. Солдат спрашивает, сколько вёрст до Бийска. Женщина не успела открыть рот, как её парень, бросает сосать грудь и отвечает - 80. Оказывается, это был мой брат Василий и моя Мама. Василий долго сосал Мамину грудь, хотя уже научился говорить. Я этой сказке не верил, наверное, кто-то хотел посмеяться надо мной, так как я долго грешил этим делом.

Перед лесом и вокруг деревни, был построен забор, так называемая паскотина. На всех четырёх дорогах, выходящих из деревни, были сделаны ворота, правда, я никогда не видел их закрытыми. Когда я вспоминаю эти ворота и паскотину, то у меня в душе звучит песня Исаковского, музыка Мокроусова – “СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЁ ДО РАССВЕТА.

*Снова замерло всё до рассвета-
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно - на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.
То пойдёт на поля, за ворота,
То обратно вернётся опять,
Словно ищет в потёмках кого-то
И не может никак отыскать.
Вет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся - кого тебе надо,
Ты скажи, гармонис, молодой.
Может статься, она недалёко,
Да не знает, её ли ты ждёшь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко.
Что ж ты девушкам спать не даёшь.*

Мне кажется, Исаковский эти слова написал, будучи в деревне Берёзово. Именно в нашей деревне, даже в короткие летние ночи, молодежь бродила с гармошкой мимо нашего дома, до паскотины, за ворота и возвращалась опять, спать не давали. Такой красоты, как в нашей деревне, больше нет нигде. Вот эта красота, вот эта паскотина с воротами, наверное, привлекли Исаковского в Берёзово.

Вот так, спал - не спал, а вставать надо. Мои родители вставали рано. Мама зажигала огонь в русской печи и варила еду. Папа начинал рабочий день с зарядки - чистки лошадей. На чистку трёх лошадей затрачивалось почти час. По рассказам братьев, даже в зимнее время отец чистил лошадей в одной рубашке.

Братьям долго спать не давали, все завтракали без нас – малышей, и направлялись на работу, которая зависела от погоды и времени года. Отец знал очерёдность выполнения важнейших работ.

Непосредственно около дома был огорожен так называемый приусадебный участок, мы звали его огород. И на этом участке, довольно внушительных размеров, Мама высаживала лук, чеснок, огурцы, помидоры, капусту, картофель, морковь и, конечно же, наши Сибирские фрукты - репу и брюкву. Действительно, они были вкусными и сладкими, и законно получили название “фрукты”. Особенно сладкой была брюква, растущая довольно далеко от нас, в огороде с высоким забором.

Чужое всегда кажется лучше, а в данном случае - сладше, кроме того, нас привлекал высокий забор - мы, как рыцари, должны были быстро преодолевать его. Хозяева пытались нас поймать, но не тут-то было, мы успевали убежать. Тогда хозяйка нашла самый верный путь к нашим сердцам. Увидев как-то меня с друзьями, она сорвала брюкву и, подавая мне, сказала – “вот попробуйте, какая наша брюква сладкая, если понравится, приходите, я вам всегда сорву”. Это было настоящим уроком, мы в этот огород больше не лезли.

Дела в хозяйстве шли на подъём, и отец решил увеличить поле для посевов. Чтобы быть более самостоятельным, купил конные грабли, сенокосилку и на двоих с соседом купили молотилку. Прямо скажу, размах настоящего землевладельца. Это было богатство, которому многие завидовали.

У отца появились близкие деловые знакомые, как сейчас говорят, партнёры. На встречу с ними стало неудобно ездить на рабочей лошади, да ещё в обычных санях. Отец приобрёл выездную лошадь и лёгкие выездные санки. Время от времени родители выезжали в гости к новым знакомым, иногда на сутки, иногда на двое. По возвращении домой весело обсуждали с Дмитрием и Владимиром дела и проблемы.

Для нас, пацанов, доставляло большое удовольствие шарить по огородам, другой работы мы не имели - играй, кушай, закаляйся. Для этого и наступает лето. А лето в Сибири - благодатная пора. Начиная с середины апреля и до конца сентября погода стоит хорошая. Очень редко солнечные дни прерываются непродолжительными дождями. Прямо удивительно - прошёл дождь, и вновь хорошая погода. И так всё лето.

Осень запомнилась по разговорам про “Бабье лето”. То есть, - в начале сентября. Помню, начинали ходить в школу в хорошие, солнечные дни. Лето и осень хорошо воспеваются поэтами, и это правильно. Однако, для крестьянина, один летний день целый год кормит - так гласит народная мудрость. Нужно использовать каждый час, каждый погожий день, чтобы не потерять урожай.

Если начинать перечислять работы, которые крестьянин должен сделать и делает за лето и осень, то я не уверен, смогу ли точно сказать, сколько их, этих работ. В нашей семье вся

тяжесть крестьянского труда ложилась на плечи Папы, моих старших братьев и, конечно же - на незаменимую Маму. А если разобраться по настоящему, то какие это помощники были из моих братьев. В 1925 году Владимиру было 14 лет, Порфирию-12, Ивану-9, Степану-8.

Хотя в деревне ребята в таком возрасте и выполняют серьёзные поручения, но самостоятельные тяжёлые работы им ещё нельзя доверять. Вот, как ни крути, а самыми “рабочими лошадками”, по-прежнему, остаются Папа и Дима. Мой отец и ещё один крестьянин приобрели конную молотилку. Это целая группа агрегатов, я не хочу их перечислять. Молотьба проводилась по очереди, то у одного, то у другого.

В день, когда на нашем поле заканчивалась молотьба, кроме нас с Михаилом и Сёмой, уехали в поле все братья и Мама с Папой. Мама с моими братьями обмолоченное зерно засыпали в мешки, Папа отвозил их домой, высыпал зерно в амбар и снова ехал за зерном. Закончив молотьбу, Дима стал перевозить агрегаты к соседу. Ещё было светло, когда все работы были закончены и Мама с ребятами ушли домой. Папа с Димой погрузили на телегу последний агрегат - поворотный круг весом около 100 кг. Дима уговорил Папу, чтобы он шёл домой, а он один отвезёт агрегат. Отец согласился и ушёл домой. Была суббота, нужно было затопить баню и помыться после такой работы. У Димы были свои заботы - быстрее отвезти агрегат и успеть на гуляние, ведь суббота.

На дороге попалась какая-то ямка, Дима её не заметил. Колесо телеги вошло в ямку, и агрегат свалился на землю. Вместо того, чтобы позвать кого-то на помощь, Дима решил один справиться. Изрядно повозившись, он всё-таки агрегат погрузил и доставил на место. Видимо, как говорят, “сгоряча”, Дима не почувствовал никакой боли, а когда освободился от груза, то появились боли в пояснице, животе и головокружение. Возвратившись, домой, Дима отказался от еды, от бани и ни на какую гулянку не пошёл.

С каждым днём Диме становилось всё хуже и хуже. Так продолжалось более двух месяцев. Дима лежал на лежанке около русской печи во второй комнате. Мама с Папой сидели у изголовия, а я находился в первой комнате. Других братьев дома не было. Вдруг раздался голос Димы: “стряхните меня на пол”. Родители сняли Диму на пол. Мама подложила ему под голову подушку. Через какое-то время Дима попросил: “уберите подушку”. Мама сперва заколебалась - как это убрать подушку, ведь там нет ничего, только голые доски. Дима стонал, и Мама вынуждена была убрать подушку из под головы. Последовала ещё одна просьба - “дайте мне воздуха”. Папа приказал мне открыть все двери. Я бегом открыл двери, с улицы потянуло холодом, даже белый туман начал стелиться по полу - на улице была зима. Когда я вернулся в комнату, то услышал: «Ой, кто это мне на ногу наступил». Это были последние слова Димы. Это я помню хорошо. Дима умирал на моих глазах. Диме было около 20 лет.

Потерять такого сына было неопишным горем для всей семьи. Ни до, ни после, я не видел и не слышал, чтобы так мог плакать и плакал Мужчина, а это был мой отец. Описать

эту драму я не могу, у меня не хватает воображения. Я только помню Папу, упавшего на грудь Димы и слова - “что ты наделал”. К кому относились эти слова - или к Диме, или Папа адресовал их самому себе, я не знаю, но я их слышу и сейчас. На время похорон Димы нас, маленьких, отвели к соседям.

В течение некоторого времени в доме не было слышно ни громких разговоров, ни, тем более, смеха. Папа с Мамой много молились, нас заставляли. Я, хотя и не понимал что и зачем это, но молился усердно и искренне.

Безвременная и несурзная смерть Димы коренным образом изменила отношение отца к поручениям на работу своим сыновьям. Отец всё время винил себя за то, что отпустил Дмитрия одного, а теперь, если работа предстояла трудная, то выполнять её шли все трое взрослых. Самую тяжёлую работу отец выполнял сам, где тяжело, там плечо отца. Для него не составляло труда поднять полный мешок зерна на спину, отнести и положить в амбар, или из амбара на повозку. Вот такая игра с тяжестями привела к тому, что у отца стала проявлять себя грыжа. Я видел сам, как отец постоянно носил повязку на животе, опасаясь, чтобы грыжа не лопнула.

Какая-то полоса несчастий навалилась на нас. Когда мне исполнилось семь лет, я заболел оспой. Оспа какая-то особая, чёрная. По всему телу распространились крупные пятна, в том числе и на лице. Пятна эти были набухшие и очень чесались, а когда чешешься, то эти коросты отставали от тела, на их месте появлялись глубокие ямки. Чтобы я не чесался, меня спеленали, как грудного ребёнка, крепко привязав мои руки к туловищу. Тело так чесалось, что я орал на весь дом. От зуда меня спасала мама с помощью какого-либо спирта, в частности - самогонкой. Мама мазала, а то и наливала на мои пузыри самогонку, тогда я успокаивался. Вместе со мной принимала мучения и Мама. Мазать меня приходилось и днём и ночью. Сколько продолжалось моё мучение, не помню.

В школу, в первый класс, не ходил. Когда тело перестало чесаться, меня распеленали, то на пелёнках остались сухие кусочки отвалившейся от тела кожи. Лицо моё было спасено благодаря моей Маме, она сотворила чудеса, непрерывно протирая меня спиртом.

Одновременно со мной, болела соседская девочка, её не пеленали, руки были свободные. Хотя её тоже натирали спиртом, но она чесалась. Когда болезнь прошла, то на эту девочку было невозможно смотреть без горького сожаления - она ослепла, а лицо было в глубочайших ямках.

Я стал поправляться после оспы. На улицу меня ещё не выпускали, приходилось играть дома. Больше всего я возился с котёнком, ведь маленькие котята любят, когда с ними играют. Если я на ногах, то котёнок у меня на груди. Дело было утром, Мама, как обычно, варила обед в русской печи, огонь был большим и ярким. Я приблизился и стал смотреть на

огонь. Котёнок сорвался с моей груди и с криком “мяу” бросился прямо в пламя. Мама была рядом, она схватила клюку и, роясь в огне, достала маленький чёрный уголёк от бывшего котёнка. Мама сильно разволновалась и до прихода отца не знала, куда себя девать.

С появлением отца и взрослых братьев начались гадания - было ли такое событие у кого на памяти, и к чему оно привело. Не вспомнив подобного случая, как-то все согласились на том, что нашу семью постигнет ещё какая-то беда. Какое-то неопишное расстройство в душу каждого внесло это событие, я бы сказал, надломило, особенно Папу и Маму. Через какое-то время состояние неуверенности и растерянности переросло в ещё более крепкие взаимоотношения между братьями, а также между братьями и родителями, прибавилась нежность, которая не покидала нашу семью и в будущем. Видимо, взрослые решили, что любые трудности легче преодолевать сплочёнными, так подтвердила сама жизнь.

В школу в деревне Берёзово я начинал ходить дважды. Один раз, это было в 1928 году, продолжать учёбу мне помешала болезнь, я заболел оспой. Второй раз я перестал ходить в школу, когда началось раскулачивание. Тем не менее, я умел читать, писать. Знал и любил устный счёт. Меня постоянно тренировали мои братья, особенно Миша и Стёпа.

До Сибири советская власть добралась окончательно не сразу, а постепенно. Я был свидетелем, мне было лет пять, как новоявленные хозяева глумились над церковью. В церковную ограду собрались почти все жители. Старые люди крестились, а молодёжь с любопытством, разинув рот, смотрела на церковную колокольню, на верхней площадке которой сустились 4 или 5 мужиков. Они снимали крепления, удерживавшие колокола. С помощью брёвен и больших досок, они с трудом отсоединили главный колокол, но удержать его не смогли и колокол рухнул на твёрдую, не подготовленную для этой работы землю. В самом большом диаметре колокола образовалась трещина, которая повергла присутствующих в шок - раздался какой-то глухой выдох. Люди, крестьяне, стали расходиться. Ещё долгое время в народе говорили о плохом предзнаменовании.

В нашем дворе колодца не было. Колодец был выкопан от дома на 100 м в сторону реки, ближе не могли найти воду. К колодцу нужно было спускаться под горку, уклон не большой, но, поднимаясь с водой, эта горка казалась высокой. Таскать воду было самым неприятным занятием, воды в хозяйстве требовалось очень много. Хорошо, что кто-то умный придумал приспособление, называемое коромысло, с помощью которого можно нести два ведра, при этом руки оставались свободными, а вся тяжесть приходилась на плечи.

Старшие братья взяли на себя значительную часть работ не только в доме, во дворе, но и в поле, это было большое и приятное облегчение родителям. Когда заканчивались осенние полевые работы, братья начинали ходить в школу.

Особое желание к занятиям проявил брат Порфирий. По окончании семилетки отец отвёз его в город Прокопьевск и устроил учиться в среднюю школу. Дмитрий и Владимир,

после окончания семилетки, остались дома помогать отцу. Брат Степан добросовестно посещал школу, ему учёба давалась легко. Брат Иван не хотел учиться, и после окончания третьего класса заявил, что лучше будет возить сено, чем ходить в школу. Я помню, как Иван запрягал лошадь в сани, одевал на себя овчинный тулуп, заваливался в сани и, весёлый, выезжал со двора.

Каждый крестьянин, кто хотел, получал участок земли под сенокос, как правило, это были берега рек, склоны гор, лесные поляны, т.е. неудобные для посева зерновых участки. Участки эти - или делянки – находились в разных местах, особенно у тех, кто хотел заготовить много сена.

Наша семья заготавливала сено на четырёх делянках. Косить травы – тоже целая наука, на этот счёт имеется такая поговорка – “Коси коса, пока роса, роса долой, коса домой”. Коса, в Сибири её называли “литовка”, хорошо срезает траву, когда она мокрая, вот откуда такая присказка. Когда скошенная трава высыхает, то её уже называют другим словом. На этот счёт имеется такая загадка - как называется, сухая трава из четырёх букв? Вот это слово-Сено. В основном сено летом домой не завозят, его складывают в большие кучи – в стога – и оставляют на делянке до зимы.

Обычно меня с Михаилом оставляли дома, когда все мало-мальски способные выезжали на полевые работы. Мама, перед отъездом, кормила, переодевала маленького Семёна, оставляла нам какую-то пищу, Сёме, кроме того, бутылочку с молоком. При кипячении в молоко добавляла мак. Когда Сёма просыпался и начинал плакать, мы его поили этим молоком, и он вновь засыпал. Правда, когда он был мокрым, то молочко не помогало, нужно было менять пелёнки. Этим делом занимался Миша, у него руки были какие-то ловкие. Я помогал Мише - приносил воду, чистые пелёнки, а пелёнками считались обыкновенные тряпочки. После такой процедуры Сёма спокойно засыпал.

Вернувшись с поля, Мама выясняла у нас, как вёл себя Сёма, если мы говорили неправду, то Мама, по нашим глазам отгадывала обман и мы, пряча глаза, признавались. Мама просила нас в следующий раз не давать Сёме долго плакать, и мы обещали. Правда, нам было трудно выполнить своё обещание, ведь мы тоже были маленькими, часто увлекались какой-то игрой и не слышали плач Сёмы. Вообще-то, на руках у Мама Сёма был весёлым, улыбался. Говорить он ещё не умел, ведь ему не было и годика.

Вот ещё - с именем Сёмы у меня возникли воспоминания. Дело было зимой, в квартиру на ночь приносили дрова, чтобы утром Мама могла без лишних хлопот разжечь огонь в печи. Мы с Михаилом задумали строить дом из этих дров. Миша рубил большим столовым ножом дрова и складывал из них клетку - дом. Я подошёл к нему очень близко, и брат на взмахе попал мне в глаз остриём ножа. Кровь была или нет, не помню, но переполох в доме был большой. Через день или через два у меня на зрачке стало появляться белое пятно - бельмо.

Маме кто-то дал совет лечить бельмо грудным молоком, смешанным с сахаром. Я ложился на стол, Мама доставала грудь, выдавливала своё молоко на сахар, и положила на зрачок моего глаза. Сколько длилась такая процедура, не знаю, но мой глаз был спасён, бельмо исчезло. Правда, полностью мой глаз так и не восстановился, левый глаз видит 0,3.

А почему моё воспоминание связано с Семёном, - а просто - ведь он сосал Мамину грудь, поэтому у Мама было молоко.

Весной, когда стало тепло, Мама повела нас троих - Степана, Михаила и меня – на могилку, где похоронен Дима. Для меня была открыта новость - оказалось, что рядом с Димой был похоронен ещё один мой брат, звали его Василий. Он умер ещё до моего рождения. Могилки братьев, да и по соседству кто был похоронен, были какими-то заброшенными. Это я сейчас считаю их заброшенными, а тогда я видел бугорки. Васин уже заросший травой, а у Димы – провалившаяся земля. Мама сказала, что надо будет поправить, когда придём с лопатой.

Действительно, в скором времени пришлось ещё прийти на могилки к братьям, только не поправлять могилки, а хоронить нашего самого маленького братишку - Семёна. Он заболел, как мне тогда сказали, корью. В тех условиях, видимо, такую болезнь не лечили, да я и не видел никакого врача дома. Скорее всего, врача и не было в деревне. Когда Мама обмывала мёртвого Сёму, я видел его тело, оно было покрыто мелкими синими пятнышками, они напоминали мне семена мака, как будто Сёму кто-то осыпал этим маком.

После похорон Сёмы я становился самым маленьким в семье. Теперь нас братьев осталось всего шесть.

Летом Степан, Михаил и я ходили за ягодами на левый берег реки, там, на горах было много ягод. Мы хорошо наедались и ещё приносили домой. Дома ягоду ели с молоком или со сметаной, вкусно, даже сейчас слюньки текут. Ещё у нас была очень вкусная ягода черёмуха. Её ешь, и ещё хочется, правда, после этого весь рот чёрный. А вот боярка была красного цвета, внутри, как и у черёмухи были косточки, но вкус у неё совсем другой, какой-то мармеладный. Нам взрослые говорили, чтобы мы много боярки не ели, а то желудок так закрепит, что придётся “зубами доставать”.

Купаться в реке мне не запрещалось, правда, одного Мама не отпускала, да один я бы и не пошёл. Мы ходили целыми компаниями, к нам с Михаилом присоединялись наши друзья. Уходя из дома, мы говорили Маме, что пошли купаться, у нас была такая привычка. Мама давала нам наказ - смотрите не утоните, а утоните, то домой не приходите. Мы смеялись, как же мы придём домой, если утонем. Мама понимала, что выразилась не так как надо, конфузилась, а мы, смеясь, уходили.

Наша река была неглубокой, если захотеть утонуть, то нужно было идти километра три - туда, где Берёзовка впадала в реку Чумыш. Там было глубоко. Я со своими друзьями

ходил туда только один раз. Там настоящая тайга, местами был выгоревший лес, это место звали - гарь. Нам взрослые говорили, что там есть волки и другие звери, поэтому мы больше туда не ходили.

Наши походы ограничивались паскотиной, здесь было как-то уютнее. Кто-то из пацанов принёс табак, бумагу и спички, и мы решили закурить. Моих братьев не было. Сидя на дереве, я как-то неосторожно повернулся и прожёл огнём папиросы свою совершенно новую рубашку. Не знаю, курнул я хоть раз или нет, но только хорошо помню, как я бежал домой, как я сменил эту рубашку тайком от Мама, спрятал её, чтобы только сегодня её не нашли. Действительно, так и случилось, рубашка была найдена через длительный промежуток времени, острота момента сгладилась. Когда Мама обнаружила дырку на рубашке, я соврал ей - сказал, что сидел у костра и на меня брызнула искра. Хитро придумано, попробуй не поверь. Этот обман меня точит, как червь, всю жиизнь.

Для меня остаётся загадкой, что нас тогда толкнуло пойти в лес курить. Дома я не видел курящих. Знаю, видел, что отец сажает, убирает, сушит и нарезает табак, но вот курящим отца я не видел, братья тоже не курили. Может, курили где-то на стороне, не могу сказать.

Осенью 1928 года у самой паскотины волки растерзали бычка, не вернувшегося на ночь во двор. Виновником был признан Иван, которому было поручено до темноты пойти и пригнать телёнка домой. Как потом признался Иван, было уже темно и он струсил один идти к лесу. Не ругали Ивана, думая, что это то самое несчастье, которое предсказывал сгоревший котёнок.

По соседству жила очень бедная семья, было много девочек и один парень, звали его Коля, он был старше меня, чуть ли не в два раза. Однако, кроме меня, он ни с кем не дружил. Бывало, увидит меня во дворе и машет рукой. Когда я подходил, он жаловался, что очень голодный, хочет кушать, и просил, чтобы я позвал его к нам домой.

Коля давал мне такой совет - когда войдём домой, то я должен попросить у матери кушать, а когда она даст, то пригласи за стол и его - Колю. Ещё Коля говорил, что на моё первое приглашение, он ответит, спасибо, что он не хочет. Тогда нужно было пригласить ещё раз – “да садись, Коля”. После такой репетиции, мы шли к нам домой, я просил у Мама кушать, Мама говорила, что я только что из-за стола, но я начинал хныкать, и Мама ставила что-нибудь на стол. Сцена начиналась: я звал Колю, он отказывался, я приглашал его второй раз, он садился, кушал, вставал. Уходя, говорил - спасибо. Такие выходки повторялись, но редко. Мама знала - если Коля пришёл, надо его кормить. Ещё один раз мне пришлось убедиться, что Колька обращался со мной, как с игрушкой. По какому случаю я попал с ним на пастбище, где пасли коров, не помню. Сейчас я думаю, что он или пастухом был, или помощником пастуха. Когда мы шли в поле, то у него в мешочке я заметил котелок. Спустя какой-то час после того, как мы пришли к стаду, Колька сказал, что надо сварить картошки, а то жрать хочется. Он послал меня

накопать картошку, которая росла по- близости. Когда я вернулся с ворованным картофелем, у него уже горел костёр. Сварив картошку и слив воду, Колька начал её мять своей деревянной ложкой. Я попросил - дай очищу кожуру, но Николай сказал - не надо, так вкуснее. Конечно же, он ел эту картошку один. (И до сих пор надо мной родные подшучивают, что я такой на всё брезгливый). Видимо, постоянное недоедание выработало у Николая неимоверную жадность, мне это было неприятно.

Мы любили с братом Михаилом перед сном чесать подошвы ног. Ложились вальтом, ноги друг другу – на грудь, и начинали забавнейшую игру. Если он чесал мне пятки, то и я ему чесал пятки, это же было величайшее удовольствие, не верите, попробуйте. Так за этой работой, мы засыпали. На этот счёт есть достоверные факты из нашей истории. Богатые сибирские купцы, после своих торговых дел в городе, обязательно появлялись в заезжем доме и требовали у хозяина “девку в номер”. Появлялась какая-нибудь молоденькая девчонка и, увидев такого старого бородатого мужика, начинала плакать. Купец громко кричал - чеши пятки, дура, и бросал ей десять или двадцать рублей - по тем временам такие деньги были богатством. Девчонка чесала подошвы купцу до тех пор, пока он не начинал храпеть, засыпая.

Зимой 1929 года, какой месяц не помню, после обеда, Мама попросила ребят, чтобы кто-то принёс воды. Активнее всех отозвался Степан. Мама ещё с каким-то недоверием бросила взгляд на Степана и других сыновей, но Степан схватил ведро и вышел за дверь. Прошло довольно много времени, но Степан не возвращался. Мама подняла шум - где Степан. Кто-то из старших братьев бросился бегом к колодцу и увидел, что Степан идёт, качаясь, как пьяный, и – без ведра. Когда Степан вошёл в квартиру, то мы его увидели обледеневшего с ног до головы. Его быстро раздели, натёрли самогонкой, замотали в какие-то тряпки и уложили в горячее зерно, которое сушилось на русской печи.

Что же произошло со Степаном? Когда он зачерпнул воду, то не смог выдернуть ведро из воды. Вокруг колодца был настоящий каток, под тяжестью ведра Степан подскользнулся, и вместе с ведром ушёл с головой в колодец. Вода вытолкнула Степана из колодца, он как-то выбросил руки в стороны, и его одежда примёрзла ко льду, благодаря чему он второй раз не провалился в колодец. Степан говорил, что еле-еле оторвал свои рукава ото льда, когда вывалился из колодца. На улице был мороз около 35 градусов.

В этом несчастье помогло ещё не совсем покинувшее Степана счастье. Физически Степан был здоров, самообладание его не покинуло. Только дома, когда он начинал вспоминать, откуда он вернулся, то у него нервы сдавали. Отец заставил его выпить самогонки, после чего он успокаивался и забывался во сне. Через неделю на теле Степана стали появляться фурункулы, гной вытекал ручьём. Весной 1929 года у Степана отнялись ноги. Понимая, что его может ожидать в будущем, Степан всё своё время отдавал игре на гармошке.

Можно понять состояние родителей, зло на ком-то вымещать они не умели и не делали этого, чаще всего отца я видел задумчивым, грустным, а мать, убитую горем, в слезах. Бывали моменты, когда отец, с каким-то остервенением бросался в работу, так продолжалось почти до весны, а весна дала новый прилив сил. Только труд притуплял душевную боль и страдания. Однако родители не могли избавиться до конца от внутренней опустошённости, глядя на Степана - инвалида, они не видели, не находили выхода из создавшегося положения. Сейчас эту нерешительность со стороны отца, можно расценить как надежду на выздоровление Степана, которая теплилась в сердцах моих родителей.

Порфирий редко появлялся дома, даже во время зимних и летних каникул, но когда бывал, то старался вывести братьев и, прежде всего родителей из состояния уныния. Он знал множество анекдотов, прибауток. В моей памяти отложились некоторые.

При царе в российском гимне, были слова – Боже, царя храни. В одной церкви поп научился задним местом выпёрдывать гимн. У него получалось так хорошо, что прихожане, слушая гимн, не могли понять, откуда раздаются такие приятные звуки. С установлением советской власти, был введён гимн Интернационал, и вот поп решил разучить новый гимн. На тренировки было затрачено долгое время, но гимн не получается. Служители церкви начали спрашивать Батюшку, когда он начнёт исполнять новый гимн. А поп им говорит – всё хорошо, но вот как до высокой ноты дойду, так обязательно обсерусь, так что буду ещё тренироваться. Мы смеялись, а родители вели себя сдержанно. А вот когда этот же анекдот Порфирий рассказывал в кругу друзей, то смеху было много, некоторые ребята даже имитировали мелодию, издавая звуки ртом.

А вот этот анекдот был по духу ближе моим родителям, особенно Маме. К Маме иногда приходила соседка старушка и предлагала – давай, Гавриловна, поищемся. Это значит искать друг у друга на голове вшей, с помощью гребёнки и ножа. Порфирий же рассказал случай, который был в г. Прокопьевске с хозяйкой, у которой он жил во время учёбы. Хозяйка - старушка просила своего внука поискать насекомых на её голове. Парнишка был хитрый, бесплатно работать не хотел, поэтому они договаривались, как правило, за каждую вошь платить одну копейку. Парнишка находил и клал на стол вошь, бабка говорила, есть копейка и работа продолжалась. Но насекомых было мало, парень видит, что заработка не будет. Тогда парнишка пошёл на хитрость - стал незаметно вытаскивать со своей головы вшей, которых у него было много. Когда он клал на стол, то бабка кричала, это не моя вошь, мои дохлые, а твоя, видишь, какая жирная. Начинался спор, бабка не сдавалась, а парень стоял на своём, если ты не заплатишь, то ищи сама, я с такой жадиной работать не буду. У бабки не было другого выхода, и она соглашалась, так поиски продолжались. Вот над этим анекдотом Мама смеялась дольше всех, смеясь, она говорила, что тоже может зарабатывать деньги, ведь к ней часто приходят старушки, и у неё мог был бы быть такой же “промысел”.

Приближалась весна 1930 года, предстояли большие работы, но отец как-то без особого рвения брался за них. Это немедленно передалось на настроение моих братьев. Отца что-то тревожило - или воспоминания о сыновьях рано умерших, может быть, о собственной вине в их смерти, а не предчувствие ли ещё какой-то беды, которая нанесёт непоправимый удар. Душа болит и сердце плачет, но ответа нет. Отец стал изредка наведываться в сельский Совет, нет ли каких дурных новостей. А дурные новости пришли сами, прямо на порог нашей усадьбы, нашего дома.

В начале или в конце февраля в дом явилась комиссия из нескольких представителей власти, с документом на право описи всего имущества. Записали дом, амбар, постройки для скота и сам скот, а также всю технику и инвентарь. Они предупредили отца, что указанное в описи имущество не может быть продано или подарено кому-либо. В любое время комиссия может прийти и проверить его наличие. Вот, оказывается, что тревожило, что волновало душу и сердце моего отца, ещё до прихода комиссии. Отец злился на знакомых, работавших в Совете, что они не дали никакого даже намёка о грозившей ему катастрофе. Больше всего отец негодовал на себя, что не мог разгадать политику заигрывания правительства с крестьянами. В присутствии всей семьи отец громко сказал - как же я так мог жидко обосраться. Как так, “срал да упал, садился гордился, а сел и свалился”, из груди отца раздавался не смех, а какое-то клокотание, похожее на ржание умирающей старой лошади.

Старшие братья застыли в нерешительности - что же им делать, как подступиться к отцу, как его вывести из такого состояния. Но чудо - Мама всегда тихая, молчаливая - не своим голосом, переходящим на крик, сказала: да пропади оно всё пропадом, лишь бы вы все были здоровы, мне только жалко, что из-за этой работы мы отправили в землю троих наших детей. Как-то обстановка само собой разрядилась. Все стали смотреть друг на друга каким-то успокаивающим взглядом, а отец сказал, что ему нужно кое с кем поговорить и ушёл.

На следующий день у сельсовета было вывешено объявление, приглашающее всех сельчан принять участие в торгах по распродаже имущества кулака Прокопия Леонова. Торги намечались на десять часов утра в воскресенье. На какое число и сколько дней у нас оставалось до этого рокового дня и часа, я сейчас не помню. Власть пыталась придать этим торгам какую-то торжественность, ведь выполнялся лозунг партии большевиков - ликвидация кулачества, как класса эксплуататоров. В назначенное время в нашем дворе против входа в дом был установлен деревянный стол, накрытый красным материалом, за столом расположилась комиссия из трёх человек, к ним были представлены ещё двое мужчин для выполнения каких-либо поручений комиссии.

Народу собралось очень много - кроме жителей нашей деревни, приехали жители и из других деревень, видимо, власть старалась придать большую гласность этому мероприятию. У председательствующего на столе лежала папка с документами по нашему хозяйству.

Оказывается, документы были не только на дом и другие постройки, но и на технику, а также на скот.

Торги начались с продажи дома. Председатель объявил, что дом деревянный, пятистенный, построен в 1911 году, в комнатах русские печи, имеет два подвала, и.д. и.т.п., до самых мелких подробностей, и назвал стоимость. Если никто из присутствующих не назовёт сумму, больше, чем первоначальная, то данное имущество поступает в доход государства. В данном случае, борьбы за наш дом не было, и он пошёл в доход государства. В своём большинстве, наше имущество пошло в доход государства, ведь люди боялись - а где гарантия, что завтра это же имущество не пустят с молотка и у них. Амбар и молодую корову купили наши соседи. Как оказалось позже, отец с ними договорился ещё до торгов. Борьба разгорелась за молодого жеребца, которого отец держал для выездов. Когда один из помощников вывел его на площадку, то многие изъявили желание его купить, однако, победил житель соседней деревни, который дважды набрасывал цену, оказавшуюся не под силу другим.

Мама была короткое время на улице, пока не стали выводить скот со двора, залившись слезами, она ушла в дом. Плакали не только соседи, но и те, кто мало знал нашу семью. Многие уходили разочарованными, что, вместо роскошного, они увидели ничем не лучше, чем у других, хозяйство, и – не блиставших своей одеждой, стоявших рядом с отцом моих братьев, в том числе – Степана на самодельных костылях. Папа и братья были до окончания торгов у крыльца. Нам установили срок, по-моему, три дня, чтобы мы освободили дом и усадьбу.

Соседи, по договорённости с отцом и на наши деньги, купили амбар, лошадь, сани и корову. Корова у нас была особенная, у неё было пять сосков, а обычно бывает только по четыре. Её так и звали пятититячная. Мама думала, что она будет давать много молока, а оказалось, не так. Даже в летние месяцы Мама надаивала 7-8 литров, в то время как обычные коровы давали до двадцати литров. Оказывается, породистость нашей коровы была в том, что у неё молоко, по жирности, как сливки.

Если бы власти дали большой срок для выселения, то это, на мой взгляд, расслабило бы нервы родителей и братьев, а коль был срок три дня, то, после ухода комиссии, они приступили к разборке амбара.

Планировалось построить дом на новом месте, так оно и произошло. Владимир, Порфирий и Иван перевезли весь материал в гор. Прокопьевск и на выделенном месте собрали домик - однокомнатную квартиру. Трудности при сборке были большие, это разбирать было легко, а когда начинаешь собирать, то многие детали при перевозке оказались утеренными или поломанными и это усложняло окончание сборки дома. Кроме того, нужно было прорубить два окна, сделать оконные рамы. Внутренняя отделка продолжалась ещё долго после нашего переселения.

А тем временем в Берёзово, после истечения трёх дней, Папа перетащил нас с остатками барахла к своему куму, который жил почти в центре. Кум считался большой родней, но и он с боязнью принял нас, опасаясь преследований за оказание помощи кулаку. Буквально через несколько дней Папу вызвали в совет, а оттуда отвезли в гор. Новокузнецк, а там арестовали, обвинив его, что он перед продажей имущества якобы травил свой скот, а сельхоз технику привёл в негодность. Отец был невиновен, но кому-то надо было сделать его виновным, и они сделали. Отец к нам больше не вернулся.

Вот так закончилась вольная жизнь крестьянина Прокопия Леонова.

Как и все нормальные люди, мои родители жили, ели - иногда лучше, иногда хуже, в зависимости от появлявшихся возможностей, любили друг друга, рожали детей, трудились, я бы сказал, сверх своих возможностей. Спрашивается, зачем? Кто-то из великих людей прошлого на такой вопрос ответил: «Чтобы пирамида моей жизни, основание которой было заложено ещё до меня, поднялась как можно выше».

Чтобы поднять свою пирамиду на недостижимую для других высоту, отец отдавал лучшие молодые годы своей жизни. Вершиной пирамиды он считал видеть себя, свою семью богатой, а детей – культурными и образованными. Отец всегда стремился к большой семье, и он создавал её, хотя понимал, какие трудности потребуются преодолеть, чтобы выполнить задуманное. Отец думал - ещё немного, ещё чуть-чуть и дела в хозяйстве будут нарастать и крепнуть. Поэтому он отдавал все свои силы, успевал везде и всюду, и у него многое получалось. НЕ ВИНА ОТЦА, ЧТО ОН НЕ ДОСТРОИЛ СВОЮ ПИРАМИДУ, ЕЁ РАСШАТАЛИ, И ОНА С ТРЕСКОМ РУХНУЛА, ИСКОВЕРКАВ ПИРАМИДЫ ДЕТЕЙ, ТО ЕСТЬ - МОЮ ПИРАМИДУ И ПИРАМИДЫ МОИХ БРАТЬЕВ.

В деревне мы остались вчетвером - Мама, Степан, Михаил и я - в доме у кума, куда нас поселил отец. После ареста отца, хозяин резко изменил к нам отношение, стал замечать, что мы не там сели, не там прошли, требовал не выходить из дома, не маячить перед соседями, а лучше всего, говорил он, смеясь, сидите на печке, на выделенных вам апартаментах. Так мы и сидели в ожидании переезда в город более месяца по существу без горячей пищи.

Отсутствие сведений от отца и неблагоприятная обстановка совсем согнули нашу Маму, мы понимали её, но как облегчить наши дела мы не знали, и это было не в наших силах.

В конце марта или в начале апреля, когда прошла на реках большая вода - у нас говорили «шуга», за нами приехал Иван. Мы хотели ехать в этот же день, но нужно было дать отдых лошади и мы оставили наше неблагодарное пристанище только на следующий день. Правда, Мама перед уходом кланялась, благодарила хозяина и извинялась за неудобства, созданные нашим присутствием. Хозяин сказал «с Богом», и перекрестил нас при выходе во двор.

До Прокопьевска было около двадцати километров, дорога была плохая, местами снег уже растаял, поэтому лошадь часто останавливалась, к тому же с нами следовала наша кормилица - корова.

Ещё одно препятствие предстояло нам преодолеть, но уже в самом городе. В реке Абе половодие прошло, но вода местами ещё была глубокой, поэтому Ивану пришлось долго искать место, где можно было переправиться на наших саних и не утопить наш скудный скарб. После переправы, нам предстояло проехать всего 200 - 300 метров и мы нашли будущий наш дом и главных его строителей - Владимира и Порфирия.

Дом ещё не был готов для нашего заселения, это огорчило Маму, но она успокоилась тем, что в скором времени прекратятся её мытарства, дети - строители пообещали - самое большее, через неделю перетащить нас в него. А где же предстояло переждать эту неделю, у меня и сейчас сердце холодеет от увиденного. В десятиметровой комнате, сбитой из досок, жила одинокая женщина с ребёнком 1,5-2 годика. Ребёнок болел рахитом, ходил без штанишек и постоянно поносил непереваренной пищей прямо на пол.

Когда Иван ввёл нас в комнату, то мы даже испугались, но назад ходу нет, входи и живи. Нас семь человек и хозяйка с ребёнком, повернуться не было места. Днём мы помогали на стройке, в комнату шли только перекусить, а вот ночь для всех была кошмаром. Ложились все на пол, еле умещаясь, но спать взрослым не приходилось, мальчик или плакал, или поносил, испуская невероятный запах. Вот такое испытание пришлось перенести нам за эти дни.

Когда был закончен наш дом, то он показался нам уютным, мы радовались, хотя радость, как говорят, со слезою на глазах. Единственное радовало, что мы вместе.

До полного окончания строительства было ещё далеко, брёвна внутри квартиры не были отёсаны, их надо было обрабатывать до укладки в стены, но братья торопились, положили их нетёсанными, теперь это был адский труд. Володя избивал руки в кровь, чтобы стесать округлость брёвен, но брус не получался, так мы и жили в этом доме долгих три года.

Около нашего дома была площадка. Когда Степан начинал играть на гармошке, то собирались не только любители музыки, но и просто посмотреть, так называемые зеваки.

Степана это увлекало, и он радовался, что его музыкой интересуются. Получался взаимный интерес. Чем лучше играл Степан, тем больше собиралось народа. Когда собиралась молодежь, то Степан напевал весёлые частушки, когда приходили взрослые, зрелые люди, то они даже делали заказы. Короче говоря, получался концерт по заявкам. В эти моменты Степан забывал про свои деревянные ноги, ведь он передвигался на костылях. На снимке Степан выглядит настоящим гармонистом, правда растянуть меха гармошки, как он умел это делать, мешает пристроившийся с боку

совсем посторонний парень. Снимок сделан на партизанской улице, на том самом месте, где Степан каждый день веселил народ. Степан хотел казаться серьёзным и взрослее, чем на самом деле, но фотография выдаёт его, ведь он ещё мальчик, ему только что исполнилось тринадцать лет. Однако продолжительная болезнь оставила свой след на общем облике, это видно на снимке.

Такие стихийные концерты затягивались допоздна, я думаю, это повлияло на Владимира, и он вывел на улицу провода и подключил электроосвещение. Часто песни заканчивались танцами. Такие концерты вдохновляли Степана, он воспрянул духом.

До зимы нужно было сложить русскую печь, пристроить сени, которые укрывали бы от ветров и другой непогоды саму квартиру.

Заготовку досок на пристройку, а так же угля для отопления, не только в зимнее время, но и постоянно для приготовления еды и других нужд, мы с Михаилом взяли на себя. Для нас такая работа была забавой. Дело в том, что в ста метрах от дома проходила железная дорога, а за ней горы каменного угля - приходи и бери. Уголь охранял, как правило, старичёк, а он и не очень-то запрещал брать уголь. Он знал, что в этом посёлке живут шахтёры, а им сам Бог велел, они за него свою жизнь отдают. За самое короткое время мы приносили угля столько, что его хватало на целую зиму.

Доски были для нас очень нужны не только для постройки сеней, но и, не менее важно, для укрытия нашей коровы зимой. Доски приходили в крытых вагонах, длина досок была два метра. На каждый вагон, а их бывало до десяти, ставили по одному рабочему для разгрузки. Охраны в это время не было. Доски в беспорядке выбрасывались на улицу, часто они скатывались под вагон, а мы свободно брали себе под мышки по две доски и несли домой. Со временем не только была усилена охрана, но и стали посылать в посёлок милиционера с представителем шахты для поиска воров. У нас было правило - принесенную доску надо прибить, в нужное место, чтобы не было подозрения в случае поисков.

Зиму наша корова находилась в тёплом помещении, у нас называлось - в стайке. Сени тоже были построены, так что наша холупа приобрела вид, похожий на вполне жилое помещение. Внутри квартиры была сбита русская печь, именно сбита. В квартире приготавливалась из досок коробка, в неё ложили глину и утробовывали, т. е, сбивали до определённого состояния. На уровне талии среднего роста человека, выкладывался из огнеупорного кирпича под, на котором, в последствии будет готовиться пища. На этот под, его середину, устанавливается сделанный из досок ящик, размер которого берётся от желания хозяина иметь внутренние размеры самой печи. Ящик заполняют сухими легковоспламеняющимися стружками, щепками и бумагами. На определённой высоте от ящика, из огнеупорного кирпича, с соответствующим креплением, выкладывается полусфера будущего внутреннего верха печи. Далее на кирпич вновь кладётся и тромбруется глина. Верхний слой

глины над кирпичами должен быть не менее двадцати сантиметров. Перед ящиком, на месте будущего дымохода, в вертикальном положении, устанавливается круглый деревянный столбик. Вокруг столбика так же укладывается и утробовывается глина. Сама печь располагается в углу комнаты, прилегая своей задней и одной боковой стенками к стенам комнаты. У кого хорошее воображение, тот может себе представить ящик со столбиком спереди, находящегося в печи, как паровоз, мчащийся по железной дороге.

Пространство перед столбиком - дымоходом одновременно утробовывается вместе со всей поверхностью печи. Я не специалист по укладке печей, это просто мои детские воспоминания, значит, могут быть какие-то ошибки в рассказе, как поставить или сбить новую печь. По прошествии какого-то длительного времени, когда глина самостоятельно, без постороннего подогрева, высохнет, тогда завершают работу. На глубину до столбика - дымохода ножом вырезают полукруглой формы вход в печь. Далее, за столбиком - дымоходом виден ящик. Столбик – дымоход, покручивая, вынимают, а вверх, вместо него из кирпича выкладывают через потолок и крышу дымоход. Вот только тогда, когда дымоход просохнет, наступит торжественная минута растопки печи. Стружка и бумага, находящиеся в ящике, от пламени спички быстро загораются и, если печь правильно сбита, а печник получил от хозяина бутылку, то печь не будет дымить. Печник, в свою очередь, говорит: «тепла, Вам и вкусной, горячей еды».

Я ещё незнаком с городом, поэтому хожу и разбираюсь

что к чему. Дом наш находится на Партизанской улице. Других улиц здесь нет, она единственная на этом клочке земли, зажата между рекой Абе с запада и грядой гор с востока. Все дома - холупы, в совершеннейшем беспорядке, стиснутые друг с другом, на недопустимо близком расстоянии, объединились в Партизанскую улицу, каждый со своим номером. С севера и юга, огибая наши дома, река прижалась к горам. Вот в этой петле непроизвольно образовался наш Партизанский посёлок, с одноимённой улицей. Здесь было всего не более ста домиков - самостроек. Между нашими домами и горами проходила железная дорога местного значения, для обслуживания потребностей угольных шахт. В этих горах было 9 или 10 действующих шахт, а всего в городе их было около 14-ти.

Сам город находился на правом - западном берегу реки. С запада город опоясывала ещё одна гряда гор, с действующими и строящимися шахтами. С юга на север город имел протяжённость до 15-ти км. Чтобы попасть в город, нужно было пройти по берегу реки метров 100-150 на север. Там был построен мост через нашу реку Абе. Деревянный мост построили на самых высоких берегах, поэтому он был длиной метров 30. Река-то была небольшая, в летнее время её можно было переходить вброд, зимой по льду, а вот весной она была грозной. Во время таяния снегов начинался ледоход, река показывала свой гонор - ведь я тоже имею силу - трещал, ломался лёд, шум стоял недели две. Наш мост не выдерживал такого напора и его два

раза, на моей памяти, ломало и уносило. В это время нам приходилось трудно, связь с городом прерывалась. Но, как говорят, нет худа без добра, после этого строили мост лучше, чем прошлый, а в нашем посёлке открыли продовольственный магазин, мы теперь не боялись весеннего паводка.

Итак, идём в город, мост целый, переходим его и двигаемся на запад, но через 200 м надо перейти через двухколейную железную дорогу Прокопьевск-Новокузнецк. Надо уточнить, - если кто-то пожелает приехать в наш город по железной дороге, то билет нужно брать не до города Прокопьевска, а до станции УСЯТЫ, вот так - мы сами с усами. Почти рядом с железной дорогой проходит обыкновенная грязная дорога для всякого транспорта. Здесь же, рядом, прокладывается линия для трамвая. Ещё через 200 м начинаются городские дома, в своём большинстве деревянные, двухэтажные, а для предприятий, учреждений - кирпичные. Улицы разрезали весь город с востока на запад и первая, куда привела нас дорога из нашего посёлка, оказалась Комсомольская.

Посреди этой улицы, на всём её протяжении, был сквер, а по обе стороны от сквера - дороги для транспорта. Справа, на довольно большой площадке, красовалось трёхэтажное здание средней школы номер 1. На юг от Комсомольской улицы метров 500, на небольшой возвышенности, стояло одноэтажное деревянное здание, где размещалась начальная школа, куда предстояло мне ходить, набираться ума и знаний.

С нашим мостом, я бы сказал, связаны сладкие воспоминания - там мы обжирались конфетами, печеньем. По соседству жила семья, там было два или три мальчика, один такого же возраста, как я, а другие моложе. У них жил на квартире холостой мужчина средних лет, он работал кассиром на шахте. Постоянно у кассира в портфеле имелись деньги, какая сумма, не знаю, но моему ровеснику хватало, он каждый день брал 5, 7 рублей. Я не подозревал, что деньги ворованные, а он мне говорил, что квартирант богатый и у него денег много. Мы шли в магазин, покупали сладости, потом лезли под мост, садились на стропила и пировали. Так продолжалось около месяца, кассир обнаружил пропажу, ребяташки признались, но шума не было. Мать ребяташек и кассир были любовниками.

С приездом в город брат Владимир поступил на Рабфак, в вечернее отделение, по специальности - силовые электроустановки и их эксплуатация в угледобывающих предприятиях. Хотя постройка домика отвлекала от учёбы, но Володя понимал, что его будущее зависит от его самого. Через два месяца руководство Рабфака дало направление Володе на шахту Голубёвка в отдел главного механика для стажировки по специальности электромонтёра. Володя был безумно рад и горд, что его заметили как трудягу, как добросовестного парня. Володя говорил, что руководитель вечернего отделения - доброй души человек. По образованию инженер, он часто беседовал с ним. Володя откровенно выложил ему

всю правду о семейной трагедии и сегодняшнем положении. Может быть, такая открытость повлияла на этого инженера, и он принял участие в судьбе Володи.

Помимо зарплаты, Володе стали выдавать продовольственные карточки на всех нас, как его иждивенцев. Володя относился к категории подземных работников. Продовольственные карточки этих работников значительно отличались повышенной нормой продуктов. Нам, иждивенцам, норма тоже была повышенной. На Володину карточку выдавали 12 кг муки, а нам 8 кг или по 6 кг на каждого в месяц, а вот если глава семьи не подземный работник, то норма продуктов уменьшалась, по-моему, на одну треть. Можно себе представить, только одной муки мы получали по 60 кг, а ещё крупа, сахар. Мама воспрянула духом, ведь у неё всё время болела душа, как нас накормить, где взять деньги на пропитание. А тут такое богатство! Надо было заново привыкать печь хлеб, стряпать блины и пирожки, что когда-то так любила моя Мама.

Володя стал для нас вторым отцом, он не возгордился своим положением, по-прежнему относился ко всем нам внимательно. Правда, стал только чаще улыбаться, но оставался всегда скромным, я бы сказал, даже застенчивым. В доме я не видел весёлых компаний, каких-то выпивок, может быть, причиной тому являлось наше скудное жилище, куда стыдно было приводить гостей. Насколько я помню, у Володи был только один друг Никита Никишов.

Он бывал у нас часто, на снимке они вдвоём с Володей. На этом снимке Володе всего 21 год. Как влияет бедная одежда на внешний вид, здесь Володя выглядит значительно старше, чем на самом деле.

Приобрести выходной костюм у Володи не было денег, вот этот единственный пиджак был и рабочим и выходным. На снимке Володя в задумчивости и никто не может разгадать его мысли, только можно предположить, его думы не о себе, а о Маме и нас, младших братьях, как нас накормить, одеть и обуть.

Разве о такой жизни мечтал Володя, когда пахал землю, помогал отцу убирать урожай, по вечерам бегал на деревенские посиделки, может быть, где-то в темноте, скрываясь от людских глаз, обнимал и целовал такую же юную, как он, девчонку.

Мечты, мечты, где ваша сладость! Затратить непредвиденные расходы на фотографию Володя решил только потому, чтобы оставить в памяти день ранения в голову на шахте. Выше левой брови кровавая рана, прикрытая волосами. Все мы, особенно Мама,

страшно напугались, увидев пропитанную кровью марлевую повязку. Слава, Богу, всё обошлось благополучно.

Порфирий после окончания средней школы поступил в индустриальный институт в г. Томске, но дальнейшей учёбе помешала наша трагедия - раскулачивание, лишившее его средств поддержки. Помогая Володе собирать наш дом, он планировал устроиться где-то на работу, больше всего склонялся на город Новокузнецк, якобы там возможностей больше. В Прокопьевске, кроме шахт, трудно было найти другую работу. Когда основные работы по дому подошли к концу, он уехал в Новокузнецк, устроившись на работу в какую-то снабженческую организацию. Писал, что местом работы он доволен. Да и по внешнему виду он напоминал вполне довольного своей судьбой зрелого мужчину. Эту солидность ему придавало меховое пальто и меховая шапка-кубанка. Такие шапки были в моде у молодёжи. По возрасту, Порфирий был совсем юноша, ведь ему ещё и не исполнилось 20 лет.

Однажды Порфирий прислал денежный перевод, с которым произошёл вот такой казус. Приходит однажды к нам в дом почтальон и спрашивает - ну, от кого ждёте деньги. Мама удивилась и ответила, что нет, не ждём. Почтальон достал ведомость и сказал: «вот здесь распишитесь». Мама неграмотная, поэтому я, “грамотный”, расписался. Почтальон положил на стол 30 рублей и ушёл. Мы были рады таким большим деньгам. Через некоторое время Порфирий прислал письмо, в котором сообщил об отправлении нам денег в сумме 100 рублей. Для нашей семьи 70 рублей были большой потерей.

Мы начали вспоминать, как вёл себя почтальон. Прежде чем вручить нам деньги, сперва провёл разведку, ждём ли мы от кого-нибудь деньги и какую сумму. Убедившись, что мы деньги не ждём, смело обманул нас. Такая дерзость со стороны письмоносца нас повергла в уныние. А что делать, безграмотных так и надо учить.

А вообще, в то время жуликов и воров в городе было много. Вот на какие хитрости шли бандиты. Выяснив какого-либо хозяина, у кого есть ценные вещи, ночью бандиты зажигали около окна несколько газет и кричали – “пожар!”. Хозяин сонный выбегает на улицу, а его тут ждут два-три молодчика. Забрав ценные вещи и, пригрозив хозяину, уходят. Были случаи, когда под дверью квартиры мяукала кошка. Хозяева открывали двери, а там не кошка, а бандит. Мы тоже боялись воров. Хотя у нас ценностей-то не было, но всё равно, боязнь бандитов вынуждала нас принимать меры защиты. Перед сном мы ставили на подоконники банки с водой, на случай, что бандит опрокинет их, и мы проснёмся. Мы спали на полу и один раз кто-то сонный опрокинул рукой банку. Вода обрызгала нас, и мы стали кричать. Когда

разобрались, то долго смеялись, посчитав это, как тренировку для нас. После этого случая Владимир сделал ставни, и мы на ночь стали закрывать окна изнутри комнаты. Теперь мы не опасались и спали спокойно.

Единственным, если так можно выразиться, украшением, создававшим уют в нашей комнатухе, было зеркало. Оно висело рядом с окном против входной двери. Стекло было прикреплено к рамке, как обычно, жестяными загибами. Зеркало было размером 50х30, однако стекло какое-то очень толстое. Как-то под вечер я сидел у окна, лицом к двери. Зеркало висело выше моей головы см на 50. Кто-то, входя в комнату, резко захлопнул за собой двери. Или стены задрожали, или от потока воздуха - само зеркало отцепилось от рамки и всей плоскостью ударилось об мою голову. Я, конечно, вздрогнул, испугался, но боли не почувствовал. Удивительно то, что зеркало разбилось на мельчайшие кусочки.

Когда собрались взрослые, то вновь начались гадания, к чему бы это. Всем известно, когда зеркало разбивается, то жди несчастья. Теперь все взгляды были направлены в мою сторону, несчастье должно касаться непосредственно меня. Действительно, в скором времени, я заболел дизентерией. Меня так страшно мучил понос, что описать невозможно. Я очень часто садился на горшок, как говорится, еле успевал снимать штанишки. Меня даже положили на топчан, под окном на улице - хорошо, что было лето. Я здорово измучился, ослаб и похудел, еле ходил, качаясь. Мама меня поила какой-то травой, постоянно обмывала мою попку и меняла штанишки. Братья просили меня не кушать хотя бы один, два дня, а только пить Мамину настойку – и всё пройдёт. Сколько длилась моя болезнь, не помню, но остался жив. Я все последующие годы считал, что разбитое зеркало не принесло мне несчастье, а когда вспомнил про дизентерию, то убедился, всё же приметы сбываются.

Дела у Порфирия шли благополучно, это видно даже по фотографии. Февраль 1934 г.

он в пальто нараспашку, под ногами и на валенках виден снег, похоже, снимок сделан не на улице, а на веранде при выходе на улицу. Порфирий всегда был высокого роста, но здесь он просто громадина, взгляд его устремлён на небо, что означает его величие и независимость. Рядом на стуле сидит его друг. На оборотной стороне фотографии Порфирий сделал надпись „бусые как сапожники“. Даже если бы он не сделал такую запись, всё равно можно было догадаться, что они под градусом. Глядя на снимок, можно подумать, что здесь Порфирию не менее 30 лет, а на самом деле ему 21 год. Материально он себя обеспечил, теперь нужно было подумать об образовании.

Порфирий во время отпуска ездил в свой бывший институт, чтобы восстановиться на второй курс, но ему предложили ликвидировать “хвосты”, тогда он перевёлся на заочное отделение с условием, что “хвосты” он ликвидирует постепенно.

Получив паспорт, Иван устроился на работу и записался в четвёртый класс школы рабочей молодёжи. Какую работу он выполнял, не помню, но тоже что-то связанное с электричеством, кажется, учеником электрика. Учёба у него шла с трудом, но он понимал, что здесь ему возить сено не придётся, надо овладевать законами Ома, Вольта и другими, хотя всем известно, какие там требования в школе рабочей молодёжи. Через три месяца его перевели из ученика электрика в электрики, предварительно устроив экзамены. Домой он вернулся гордым, не по годам взрослым человеком. Работой он был доволен, её выполнял в составе бригады под руководством опытного бригадира, который опекал Ивана, продолжая наставнические обязанности. Видимо, в то время были жёсткие нормы допуска молодёжи к ответственным работам, так как Иван продолжал работать в составе бригады ещё года полтора или даже два. Впоследствии он работал дежурным электриком по шахте. Работа трудная и ответственная, не дай Бог, что-то случится, можно понести серьёзное наказание.

Ещё в детстве у Ивана на носу появился прыщик. На первый взгляд, ничего особенного. Шли годы, прыщик не исчезал, хуже того, стал гноиться, а это уже проблема, это заботы, нервотрёпка. Потребовалась помощь врачей, ему дважды прочищали нарыв, но без результатов. Позднее была сделана третья операция - ему заменили носовую косточку, на косточку от собственного ребра. Нарывы прекратились, но шрам остался на всю жизнь, и это его угнетало неимоверно.

Иван, как говорят, был «Парень рубаха» - он был добрейшей души человек. Из всех братьев Иван, пожалуй, был самым ласковым, самым нежным. Не было случая, чтобы он кого-то обидел или оскорбил. Шрам на носу как-то сковал энергию Ивана. Он стал не в меру стеснительным, робким, порой неуверенным.

Такое поведение стало проявляться во внешнем виде, он говорил - зачем хорошо одеваться, если на меня противно смотреть.

Конечно же, он не был красавцем, как Степан, но он и не был уродом из-за шрама на носу. Порой даже трудно было заметить этот шрам, но для Ивана он – как заноза в глазу. Михаил много раз ему говорил, вот мне бы твой рост, тогда я был бы на виду, не только у девчонок, но и у друзей. В самом деле, Иван был выше среднего роста, хотя и не кривая сажень в плечах, но осанка его показывала, что он физически сложен отлично.

Великие древние мыслители по этому вопросу имели свои определённые суждения. «Люди низкого роста – говорил Аристотель – могут быть очень миловидными, но красивыми они никогда не бывают. В человеке большого роста мы видим большую душу, как в большом рослом теле - настоящую красоту» и далее - «красота всех частей тела нужна Женщине, но

красота стана - единственная необходимая мужчине». Но вот такую цитату мы – братья, Ивану не прочитали, потому что сами ещё её не знали, но постоянно твердили ему, что шрам на лице у мужчины - это гордость.

Степан сам ходить не мог, да и в деревне он смиренно как-то реагировал на свою неподвижность. Но с переездом в город, когда он увидел иной мир, его реакция стала другой. Сразу, как приехали в город, мы с Михаилом повезли его в больницу на саночках - ещё лежал снег. Больница находилась на другом конце города, примерно в трёх километрах от нашего жилья. Степана осмотрели, проверили температуру, взяли анализы и объявили, что поставят на ноги, пока ничего страшного нет. Врач выписал какие-то лекарства, сказал привезти через неделю. “Если сам ещё не пойдёт”, смеясь, добавил доктор. У Степана настроение улучшилось, даже щёчки порозовели, всю обратную дорогу он был весел.

Мама, увидев весёлого сына и его рассказ об обещании врача поставить на ноги, обрадовалась. Через десять дней Степана положили в больницу, там он пролежал месяц. Кроме уколов, порошков и таблеток, делали прогревания. Ещё много раз нам с Мишей приходилось возить Степана в больницу, то на саночках, то на колясках. Два или три раза по тридцать дней лежал Степан в больнице и только потом, в 1931 году, самостоятельно пошёл.

Через несколько дней он отправился с нами фотографироваться. На снимке нас четверо, Владимир и Иван не пошли фотографироваться, объясняя это отсутствием хорошей одежды. Всё правильно, кушать хотели и могли семь человек, а работал только один Владимир. Кто возьмётся сейчас оценить поведение, поступки или действия Владимира, благодаря которым на фотографии нет оборвышей. Мама в светлом платье с модным воротником и брошью на груди. В руках Мама держит маленькую сумочку, значит, ещё год назад, до раскулачивания, она одевала приличную одежду к этой сумочке, когда ехала с отцом на встречу к деловым людям. Всё продано, а что осталось, то пошло в обмен на продукты для семьи.

Глядя на эту фотографию, Мама каждый раз сожалела, что завязала на голову новый платок, он торчком стоял на голове. Она никак не могла простить себе такую оплошность. После таких потрясений, я думаю, надо простить Маму. Лицо у Мама без морщин, она совсем молодо выглядит, в глазах нет печали – от того, наверное, что Степан стоит рядом на своих ногах. Вот никак не могу вспомнить, что у Мама на ногах, а на фото всё темно, нельзя понять.

Степан выше Михаила, по росту почти догнал Маму. Личико у Степана милое, нежное, осталась в прошлом та исхудалость, которая ещё полгода тому назад пугала нас всех. По фотографии видно, что его лицо светится, наполняется жизненной силой, но ещё отстаёт от наших с Михаилом мордашек. По тем временам сапоги у Степана стильные, голенища даже закрывают коленки. Рубашки в то время одевали поверх брюк. Одним словом, молодец Степан, что пришёл фотографироваться с нами. Когда мы получили этот снимок, то Степан вполне серьёзно заметил - ох! Сколько же мне ещё надо трудиться за столом, чтобы воротник рубашки перестал болтаться на шее. Мама сказала, ты, Стёпа, старайся, а я тебе помогу. О нас с Михаилом даже не знаю, что говорить. Мы не обиженные, мордочки круглые, на коленях дырок нет, ботинки целые, а если рукава на моей рубашке коротковатые, то виноват я сам, не надо так быстро расти. Вот Михаил и Степан растут медленно и рукава на рубашках у них даже длинноватые.

Доброе слово хочу сказать о самой больнице. По тем временам она имела хорошее медицинское оборудование, на котором проводились сложные травматологические операции. В этом я убедился позже, когда сам стал работать в шахте. Такое большое количество шахт в городе обязывало вышестоящее руководство заниматься укомплектованием больницы лучшими кадрами и лучшим, по тем временам, медицинским оборудованием. Нечего скрывать, что в шахтах почти ежедневно происходят или отравления газом, или поражения электротоком, или завалы, из которых извлекают людей с различными травмами. В связи с этим, наша городская больница, если не полностью, то в большинстве случаев оказывала помощь пострадавшим людям. Двухэтажное здание широко раскинулось на площадке, примерно около гектара земли. Белый цвет считается символом медицины и, здесь наша больница не отступила, её корпус был белым, она была видна отовсюду.

Михаил, ближе всех был для меня, не только по возрасту, разница у нас была всего два года, но и потому, что мы как близнецы всегда и везде были вместе - спать, купаться, за ягодами, уголь и доски воровать, Степана возить на саночках – и так до бесконечности. Я себя поймал на слове, а что, других братьев я не любил, или любил меньше, чем Михаила? Сложность в оценке любви состоит в том, что её на весы не положишь и метром не измеришь. Каждого брата я любил по-своему, особо, индивидуально, кого-то с радостью, кого-то с гордостью, кого-то с грустью или жалостью, но всех одинаково нежно, бескорыстно и преданно. На протяжении всей жизни Миша стремился догнать меня - по росту он был ниже меня сантиметров на десять. А я хотел, но не догнал его по уму и образованию.

Миша начал учиться раньше обычного. Шестилетним он пришёл в Берёзовскую школу, его не хотели принимать, но он упорно приходил в класс, выполнял работы и задания, и его зачислили. В последующем, Миша учился хорошо. В Прокопьевске он записался в первую среднюю школу в пятый класс. По рассказам самого Миши, он боялся, что ему будет трудно

равняться с городскими учениками, ведь считалось преподавание в деревне ниже городского. Но в данном случае его опасения были напрасны. Дела в школе шли хорошо.

Миша увлекался боксом - внешне он был крепышом, и это позволяло ему иметь преимущества перед сверстниками. Однажды он доказал свои возможности с одним не в меру задиристым верзилой. Мы шли с Мишей за досками или за углём, точно не помню. Нам на встречу появились два парня, один – большой, а второй – равный мне. Задирака, видя, что мы ниже его ростом, прицепился ко мне, так как я показался ему старшим. Миша предложил ему сразиться на бокс. Парень, размахивая руками, пошёл активно на Михаила, а Миша как-то съёжился и набегавшему противнику нанёс три молниеносных удара в солнечное сплетение. Драчун сперва присел на колени, а потом его начало рвать. Мы, довольные, пошли по своим делам. Я был в восторге и горд за брата. Дома горячо и взахлёб рассказывал Степану, а потом и другим братьям, о красоте, с какой был повергнут противник. Братья одобрительно похлопывали по плечам Михаила.

От нашего дома до реки было метров двадцать. На берегу Миша с друзьями установили турник, там мы занимались гимнастикой. Миша делал довольно сложные упражнения на турнике, я за него радовался и немного завидовал, у меня были успехи, но не такие, как у него.

Кроме своей физической силы, Миша обладал многосторонними знаниями. Любил литературу, математику, историю, физику. Мог часами рассказывать о памятниках древней и новой истории, хорошо декламировал стихотворения Пушкина и Лермонтова. Научил меня играть в шахматы, сам играл неплохо. Уже в преклонном возрасте мы играли в шахматы при каждой встрече, а встречи были редкими, он жил в Сибири, а я в Прибалтике. За всё время я у Михаила не выиграл ни одной партии, хотя, как мне кажется, играю неплохо.

Однажды мы были приятно удивлены его изобретением. Придя из школы, он заявил, что теперь чай мы будем кипятить с помощью электричества, и на наших глазах изготовил кипятильник и вскипятил воду. Правда, Мама боялась им пользоваться, но мы её обеспечивали горячей водой, а до этого нужно было зажечь огонь в русской печи и только потом на огне кипятить воду. Кипятильник принёс значительное облегчение.

Миша был самым быстрым, самым ловким из всех братьев. В школу он шёл убыстрённым шагом, даже сикал не останавливаясь, я это видел много раз, но как-то не придавал значения, хорошо ли, плохо ли так делать. Однажды заходит к нам соседка и говорит Маме – Гавриловна, что это твой Михаил каждое утро идёт в школу и на ходу сикает? Мама, конечно, удивилась, как это можно так делать, потом громко рассмеялась, а за ней засмеялась и соседка. Ну что тут поделаешь, сказала Мама, туалетов нет ни дома, ни на улице, оправиться где-то надо, а времени нет.

От Папы долго не приходили письма. И вот летом 1930 года он сообщил, что находится в городе Сталинске, теперь Новокузнецк, что можно приехать на свидание и указал, как его можно найти. Мама одна не решилась ехать, сказала - только вдвоем со мной поедет. Собрав какую-то передачу, мы поехали на поезде. Местные жители хорошо знали, где работают заключённые, поэтому мы быстро подошли к проволочному ограждению, где всюду стояла охрана. Мы простояли несколько часов, пока дождались свидания. Папу привёл один охранник и недалеко от проходной оставил его, посадив на землю. Нас с Мамой проверили и пропустили к Папе. Он обнял и поцеловал Маму и меня, удивившись, какой я стал большой.

Зная, что времени даётся мало, отец, указывая на домик, предложил Маме пойти туда. Оказывается, там домик для свиданий мужа с женой. Мама, показывая на меня, отказалась. А вдруг Мама согласилась бы? Где гарантия, что Мама не забеременела бы? Исходя из прошлого, всего скорее был бы ещё один мальчик, ещё один братик. Тогда что? Хотя бытует мнение, что если рождается ребёнок, вместе с ним рождается и его счастье. В данном случае не думаю, что его ждало бы счастье. Отец, конечно же, об этом не подумал, предложив Маме свидание в домике. Я думаю, что отец был недоволен отказом матери и моим присутствием, что ему не удалось обласкать свою жену и быть обласканным ею. Меня удивило не то, что одна пара пошла в дом свиданий, а поведение заключённых, как они громко смеялись, улюлюкали, свистели. Я думаю, отец представил себя с Мамой в этом положении и потом даже одобрил, что они не пошли в этот дом.

Сколько длилось свидание, сказать не могу, думаю, не более часа, если не меньше. В разговор Мамы с Папой я не вмешивался. У них было о чём говорить, ведь после ареста отца у нас произошли большие изменения в семье. Я смотрел на территорию, огороженную колючей проволокой, кругом стояли вышки с часовыми на посту. Перед моими глазами раскинулся громаднейший котлован, где заключённые, как муравьи, орудовали лопатами. Одни копали, другие насыпали землю в тачки, а третьи катили эти тачки и высыпали в ямы. Здесь шло строительство металлургического комбината, впоследствии названного именем Сталина.

Отец сидел около Мамы. Борода выросла значительно больше, чем я привык видеть, на голове волосы тоже были длинными. Вид у отца был мрачным, почерневшим. Как был одет отец, хоть убей, не запомнил. Уходя от нас после свидания, отец несколько раз оглядывался, но нам у забора стоять не разрешили, и мы уехали домой. Через год в 1931 году от Папы пришло письмо, что он теперь находится в г. Кемерово. Папа писал, что если есть возможность, то можно приехать на свидание. Мама приготовила хорошие продукты, приговаривая в слезах, за что же над нами так жестоко надругалась судьба, что своего родного человека не можем накормить из своих рук, надо готовить передачи. Попадут ли эти продукты нашему кормильцу, или кто-то украдкой съест их, не посмотрев и не сказав даже спасибо его хозяину.

Ехать до Кемерово нужно было с пересадкой, мы с Мамой добрались до места только через два дня. Не говоря о Маме, даже я измучился - как вспомню, аж сейчас бока болят. Ни подушек, ни своих постельных принадлежностей мы же с собой не брали, а в вагонах их не приготовили для нас. Вот теперь представьте, каково будет самочувствие, если тебя двое суток бить по бокам доской сверху, а снизу тоже получать удары от полки, на которой лежишь, вместе со стуком колёс.

В Кемерово мы приютились в домике около самой тюрьмы. Нам было видно, как заключённых пригоняют с работы вечером и выводят на работу утром. Я не ошибся, сказав, что «пригоняют с работы». Мы с Мамой стояли у проходной, дожидаясь разрешения на свидание с Папой, в это время заключённые возвращались с работы. Нам приказали быстро убраться с дороги, на которой стояли такие же, как мы, ожидавшие свидания. Когда заключённые стали приближаться к проходной, то конвоиры стали громко кричать: «по сторонам не смотреть, шаг быстрее, бегом марш». Мы с Мамой видели Папу, как он трусцой пробежал мимо нас, но видел ли он нас, не знаю. Так мы три дня стояли у проходной, видели, как Папу гоняли на работу и с работы, но свидания нам не дали и передачу от нас не приняли. Один ответ звучит у меня в ушах – «не положено». Вот так, жаловаться некому, не зря говорят, «до Бога высоко, а до царя – далеко». Оба мы измученные, а к тому же Мама ещё и вконец расстроенная, поехали в обратный путь, испытав ещё раз вагонную тряску и боль в боках.

Мои братья жалели Маму, пытались успокоить её, но она много плакала, особенно, когда оставалась одна, я её часто заставлял в слезах.

Одно или два письма пришли от Папы уже со строительства Беломорско- Балтийского канала. Это было в 1932 году. По передвижениям Папы можно проследить ход «ударных» строек первой Сталинской пятилетки. От Новокузнецка, через Кемерово, до Беломорканала, строительство которого закончилось как раз в 1933 году, когда прекратили приходить от Папы письма. Невольно вспоминаются слова, «а по краям-то всё косточки русские...» из произведения Н. Некрасова «Железная дорога». Да, действительно, на косточках таких мужиков, как мой Папа возводились эти гиганты.

Как ни странно, но я, великовозрастной, записался в первый класс. Наверное, через месяц после начала занятий, по-моему, был устный счёт на уроке и я, как заведенный, быстро и без ошибок, называл нужный ответ. После окончания урока учитель завёл меня в канцелярию и, показывая меня учителям, заявил, что этому парню в первом классе делать нечего, его надо перевести в третий или, в крайнем случае, во второй класс. У меня спросили таблицу умножения, и я без ошибок рассказал всю её. Учителя поговорили между собой и сказали, чтобы я завтра приходил во второй класс. На завтра я пришёл во второй класс, ребята незнакомые, учитель новый, какой урок был, не помню, но только не арифметика. Разговор на

уроке был непонятным, это вызвало во мне отторжение, и я, не сказав никому ни слова, на перемене вернулся в свой первый класс.

При поступлении в школу записывают данные о семейном положении - кто родители и где они работают. Как из малообеспеченной семьи, мне предоставляли какие-то пособия. Хорошо помню весенний день, это уже был 1931 год, на улице грязь, мокро. В какой обуви я пришёл в школу, не помню. На перемене меня пригласили в канцелярию и заставили одеть новые ботинки вместо моих старых. В таком виде я и пришёл домой. Не помню - или Мама, или кто ещё, стали упрекать меня, почему я в такую грязь одел новые ботинки. На следующий день вместо новых ботинок, я обул не новые, но хорошие сапоги. Кто-то из учителей выразил недовольство - почему обеспеченному ученику оказали материальную помощь.

Ещё хочу рассказать об инициативе моего учителя. По-моему, дело было зимой, во втором или в третьем классе. Учителем был молодой парень. После уроков он даёт мне записку и говорит – поезжай (называет адрес), передай это письмо. Придя домой из школы, я одел лыжи и поехал по указанному адресу. Уже было темно, когда я отыскал школу. Я передал записку адресату. Женщина начала расспрашивать меня, где и с кем я живу. Установив, что я живу в семье, женщина спрашивает меня - ты думаешь, что в детдоме тебе будет лучше? Я даже растерялся. Ведь никогда и речи не было, что мне дома плохо. И как это тот мой учитель установил без ведома моих близких, без меня - что мне лучше будет в детдоме? Когда женщина поняла, что здесь недоразумение, то она засомневалась - как же я доберусь один домой, ведь на улице уже темно. Она спросила меня, может, я останусь переночевать. Я категорически отказался и уехал домой.

Мама и братья, услышав мой рассказ, стали у меня выпытывать, может, я кому-то жаловался. Поняв, что я не вру, мои близкие удивились поведению моего учителя. Тот, увидев меня в школе на следующий день, как-то небрежно пробурчал, плохо, да? Я ему сказал, как бы мне ни было трудно и плохо, но своих близких, свой дом, я не брошу.

Из всех школ, в которых я впоследствии учился, вот эта моя первая, Прокопьевская, была самая незавидная. Обыкновенный низкий барак, подобно тем, в каких жили заключённые. Правда, внутри было чисто: двери, полы были выкрашены жёлтой краской, а стены и потолки светились белизной. Низкие потолки как-то угнетали, а туалет на улице в зимнее время и сейчас меня приводит в уныние.

А вот в дни праздников школа менялась, торжественную обстановку создавали всевозможные украшения, плакаты, лозунги, флажки. Учителя и ученики одевались значительно лучше, чем в обычные дни. Всё это, как-то волей-неволей, поднимало настроение.

Помню, как меня принимали в пионеры. Перед праздниками 7-го и 8-го ноября нас, кто готовился вступать в пионеры, собирали и объясняли, каким должен быть пионер, учили наизусть торжественную клятву, которую каждый должен будет произнести на торжественной

линейке. Я очень серьёзно, даже с волнением воспринимал каждое слово этой клятвы. Когда мне нужно было, перед всей школой, произносить слова: «я, юный ленинец, клянусь...», то у меня пересохло во рту, мороз прокатился по телу, с трудом удалось справиться с волнением. Мне нравилось, когда после таких торжеств начинались выступления самодеятельности.

Я всегда завидовал своим одноклассникам, что они выходят на сцену, поют или пляшут - и хоть бы что. Меня в то время на канате никто бы не затащил на сцену, хотя мог, не хуже других, спеть песню, декламировать стихи. Мне нравилась первоклашка Вера Главинская, как она свободно держалась, как красиво исполняла песню о Красной Армии:

*Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее
Так пусть же Красная, сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы неустрашимо
Пойти в последний смертный бой.*

Я мечтал много раз, вместе с ней, дуэтом исполнить эту песню, ведь дома она у меня получалась неплохо, но это только в мечтах. Верочка была красивая, как кукла, в школу и из школы она ходила в сопровождении своей мамы. Один раз, уже с Голубевки, я приходил в эту школу. Вера, увидев меня, выбежала на улицу, как будто в туалет, я вышел, чтобы встретить её. Вера остановилась около меня, я хотел поцеловать ее, но она увернулась и, смеясь, убежала. Больше я не приходил в эту школу, так моя любовь закончилась.

Степан не мог поверить, что встал на собственные ноги, теперь он старался наверстать упущенное. Прежде всего, записался в вечернюю школу, на серьёзную работу его не принимали, так как был ещё несовершеннолетним. Но его настойчивость помогла, он был принят в контору шахтоуправления на должность курьера. Эта организация писала письма и директивы, которые нужно было доставлять в подчинённые подразделения, в том числе на шахты. Шахтоуправление имело хозяйственную службу, а в ней десятка полтора выездных лошадей с упряжками, для лета - пролётка, а для зимы - лёгкие сани. Тогда у руководящих работников машин не было, а ходить пешком они и в то время уже не хотели.

Крупные начальники имели персональную лошадь с кучером. Степану для доставки корреспонденции выделяли лошадь без кучера, а зимой давали меховую шубу, валенки и, конечно же, хороший кожаный портфель.

Степан почти каждый день приезжал на обед, а когда входил в комнату, то прямо с порога бросал портфель на Мамину кровать, а сам, довольный, садился обедать. Нам всем было радостно смотреть, как он поправляется и мужает. Важно, что он тоже стал получать продовольственную карточку.

Курьером Степан проработал более года. Когда в этой конторе узнали, что он играет на гармошке, то его стали приглашать на вечера отдыха. Степан без всяких капризов приходил

с гармошкой на эти вечера, ему самому было интересно как можно больше тренировать свои руки, разучивать новые песни. Вот такое взаимное совпадение интересов создавало Степану пусть небольшой, но всё-таки авторитет. Музыку Степан любил больше, чем самого себя, если бы не надо было спать братьям и ему самому, то он не расставался бы с гармошкой и ночью. Его стали узнавать не как курьера-письмоносца, а как музыканта.

На снимке Степан выглядит волевым, знающим себе цену пареньком, о чём говорит его рубашка с откидным воротником и открытой грудью, но и его чёлка, которая была криком моды в то время. А по его ямочке на бороде сохли девичьи сердца.

Какими бы хорошими ни были взаимоотношения у Степана на работе, ему нужно было думать о судьбе в будущей своей жизни. В 1932 году Степан получил паспорт и подал заявление об увольнении с работы. Его пытались уговорить, чтобы он остался. Обещали, что создадут условия для учёбы, подберут подходящую работу в конторе. Степан отказался, сославшись на то, что с его пятилетним образованием ему

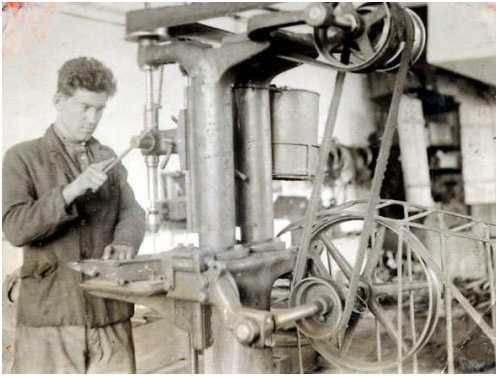
здесь хорошей зарплаты не дожидаться.

Кадровик пообещал, и своё обещание выполнил - позвонил на шахту 3-3 бис директору и в профсоюзный комитет, что направляет к ним хорошего музыканта. Степан рассказывал дома, как ему было неудобно, что в его присутствии кадровик хвалил его руководству шахты. Но всё равно на душе-то было тепло, смеялся Степан. Хороший авторитет завоёвывается долго и трудно, а распространяется быстро, как эхо. Вот это эхо прилетело на шахту до появления Степана, там уже заинтересовались и ждали его. Появился на шахту не богатырь, а молодой, высокий, худенький, опрятно одетый, вежливый, красивый парень. Разговор был коротким, директор шахты сказал, если будешь хорошо играть, то создадим условия для учёбы. Профсоюз возьмёт над тобой шефство, и будет доплачивать, а работу дадим лёгкую, в одну смену, в мастерской по ремонту электрооборудования. Сперва учеником, а потом будешь мастером.

Ознакомление с должностными обязанностями в электромастерской придали уверенность Степану, что эта работа будет ему по душе, что он с этой работой освоится в самое короткое время. Условия для работы хорошие - тепло, светло и, как говорил Степан, мух нет. Своё обещание быть полезным музыкантом Степан не забыл. Он не ленился в свой обеденный перерыв прийти к рабочим, перед их спуском в подземелье, чтобы проиграть одну-две весёлые песни.

Шахтёрам это очень нравилось, они с хорошим настроением шли в свои забои, как они говорили: «качать уголь на гора».

Ремонт электроприборов Степан освоил быстро, так как эти приборы были самыми простыми в изготовлении. Степан возмужал, окреп, работа по душе, ещё более по душе участие в художественной самодеятельности увлекли Степана, он на какое-то время даже стал пренебрегать своим здоровьем.

Однако такой активный образ жизни не замедлил сказаться на здоровье Степана. У него чаще стали появляться боли внизу живота и в пояснице. По назначению врачей, он принимал лекарства, видимо, ему становилось легче и он вновь, как замороженный, крутился в своём треугольнике «школа, работа и художественная самодеятельность». Мама видела, как

порой мучается Степан, но с расспросами она к нему не приставала, знала, что всему причина - тот колодец.

Степан хорошо освоился на шахте, непосредственно в мастерской, с лёгкостью, весело ремонтировал электросвёрла, отбойные молотки и другие аппараты. Придя домой, Степан много и с бодьшой охотой рассказывал о своей мастерской, о приборах, которые ему приходилось ремонтировать. Неоднократные проверки качества ремонта, выполненного Степаном, имели только высокие оценки.

Вот так крупница за крупницей, капля за каплей у Степана накапливался авторитет. Не зря бытует такое понятие, сначала работай на авторитет, потом авторитет будет работать на тебя. Так в жизни было, так есть и так будет всегда. Ты делаешь хорошо, авторитет растёт, а если авторитет растёт, ты не можешь делать плохо. Степана стали выбирать в различные комиссии и комитеты.

Как член профкомитета, он выступает на собраниях в бригадах, цехах. Вот эти весы помогали ему не только образцово трудиться, но и поддерживать хороший внешний вид, на любом снимке он опрятен, прилично одет, даже на рабочем месте.

А если разобраться, то он ведь получал ничуть не больше зарплату, чем его товарищи по работе. А вот, что-то в нём заложено, наверное, от родителей, больше чем у нас, остальных братьев.

Примерно в пяти км. на север от нашей партизанской улицы находился посёлок Голубевка. Население этого посёлка составляли переселенцы из других районов страны, в основном раскулаченные семьи. Жильём переселенцев государство не обеспечивало, поэтому они сами, кто как мог, строили себе домики. Надо заметить, что этот посёлок резко отличался, от нашего Партизанского в лучшую сторону. Здесь не было скученности, дома друг от друга были удалены, с учётом создания приусадебного участка у каждого дома. Окна, ставни, вход в дома были покрашены и имели весёлый вид, чувствовалась хозяйская рука. Бывшие кулаки - это трудолюбивый народ - после своего переселения в Сибирь понимали, что здесь им придётся жить, поэтому стали обустраиваться капитально и надолго. У каждой семьи были коровы и другой домашний скот, птица, а многие имели лошадей. Среди переселенцев были и такие разговоры, что они стали жить лучше и, главное, не боятся, что их будут гнать в колхоз или ещё раз раскулачивать. В этом посёлке имела начальная школа.

Недалеко, метров 600 на возвышенности в конце 1930 года вступила в строй новая шахта, её называли тоже Голубевка. Я уже говорил, что на этой шахте работал электромехаником мой брат Владимир.

По окончании Рабфака в 1933 году Владимир получил диплом инженера-механика по эксплуатации электросиловых установок в подземном строительстве, и его назначили главным механиком этой шахты. Владимир даже пытался отказаться от такой высокой должности, ведь ему тогда было 22 года, но его уговорили. Да, должность эта высокая и ответственная. На шахте было всего пять ответственных руководящих работников: директор, главный инженер, главный механик, главный маркшейдер и главный геолог. Эти ответственные работники по очереди дежурили в ночное время на шахте. Владимир много времени проводил на работе, хотя в те дни и не был дежурным, домой возвращался усталым. До боли в сердце обидно, что у Владимира не было других фотографий от рождения и до ареста, за исключением снимка с Никитой Никишовым в 1931 году. Да и этого снимка могло не быть, если бы не ранение в голову на шахте.

А дома отдохнуть нормально, по существу, не было возможности - наша Партизанская холупа не способствовала нормальному отдыху. Учитывая плохие жилищные условия, директор и профком шахты выделили Владимиру квартиру в новом доме. Вокруг этой шахты строились многоквартирные дома, по существу вырос новый посёлок. Дома двухэтажные, двухподъездные. В каждом доме - по восемь трёхкомнатных квартир. Новшеством было то, что в каждой квартире был тёплый туалет, правда, водопровода не было. Вот в одном из этих домов Владимиру выделили на втором этаже квартиру. Огорчение было в том, что в третью комнату подселили молодожёнов. Но всё равно, по сравнению с нашей холупой, это было значительное улучшение. Теперь Владимир, приходя домой, мог свободно расправить свои плечи, ему создавали тишину и спокойствие. Вместе с нами праздновала

новоселie и наша корова - к каждой квартире выделяли сарай для скота, кстати, тоже двухэтажный - на втором этаже был сеновал.

Наша квартира выглядела, какой-то воздушной, видимо из-за высоких потолков, а также из-за «эхо», возникавшего от отсутствия мебели. Да, действительно, основная наша мебель – это Мамина кровать. Со временем кое-что купили, кое-что братья сделали своими руками. Когда открываешь дверь с лесничной площадки в нашу квартиру, то видишь просторный коридор в длину 5 метров и шириной 2,5 метра. Прямо по коридору - дверь в комнату молодожёнов, она имела 12 кв. м. Слева по коридору - дверь в нашу первую комнату размером 20 кв. м., а через неё - вход во вторую комнату. Справа по коридору - вход, в маленький коридорчик, слева от которого - вход в туалет, а прямо - на кухню. На кухне - вместо привычной для Мама русской печи стояла плита с духовкой. Отопление в комнатах было печное.

Мама была довольна новой квартирой, её не беспокоило присутствие на кухне второй, полноправной хозяйки - соседки. Мама говорила, ей даже лучше, что рядом будет готовить пищу молодая, городская женщина, с которой можно поговорить чисто по-женски. Разговоров у них действительно было много, не раз Маме приходилось выступать арбитром в спорах между молодыми соседями. Сосед был очень грубый, всё время ревновал свою жену к моим братьям, дело доходило до рукоприкладства. Здесь Мама выступала ярой защитницей на стороне молодой женщины. Оказывается, Мама умела так отчитать соседа грубияна, что он по несколько дней не показывался на глаза. В конце концов, приходил и извинялся перед Мамой. Так повторялось много раз и, после очередной драки, забрав вещи, сосед выселился один, а потом пришёл, забрал свою жену.

Комната оставалась пустой, к нам больше никого не подселяли, а Владимир не обращался, чтобы эту комнату отдали нам. В нашей большой комнате было два окна, а в маленькой - одно. Мама хотела, чтобы Владимир поселился один в маленькой комнате, чтобы у него были условия для занятий и отдыха, а мы все в первой большой комнате.

Владимир решил по-другому. Нас троих - кто ходил в школу, кому нужно было зубрить науки - поселить в маленькую комнату. Такими зубрилами оказались мы трое: Степан, Михаил и я. В большой комнате разместились Мама, Владимир и Иван. Через несколько дней двое рабочих с шахты привезли деревянную кровать и несколько досок, которые ложили под матрац. Кровать была очень широкая, Владимир специально заказал такую, чтобы они с Иваном могли спать на ней. Владимир разъяснил свою позицию таким образом: я один раз в неделю дежурю на шахте ночью, бывают такие обстоятельства, что приходится задерживаться и до утра, хотя и не дежурю. Иван работает в три смены, значит, он не ночует дома два, три раза в неделю. Таким образом, если мы с Иваном в какую то ночь будем дома, то нет ничего страшного, переспим рядом. Так оно и было, пути ихсходились на этой кровати очень редко.

В маленькой комнате нам сделали хороший топчан, в противоположной стенке от окна - на всю ширину комнаты. У окна поставили стол, так что мы трое, не мешая друг другу, могли одновременно выполнять письменные работы. Наш переезд на новую квартиру произошёл в начале сентября, так что на мою учёбу отрицательного влияния не оказал, хотя для меня была новая обстановка, новая школа.

Почти рядом с нашим домом была начальная школа, а дальше, за шахтой, метров 600 700, была средняя школа. Я записался в начальную школу, где учились дети бывших кулаков - переселенцев. Они не сразу приняли меня в свою дружную компанию, а компания у них была действительно дружная. Дети все – из этого посёлка и четвёртый год учатся в одном классе. Отчуждение ко мне закончилось совершенно случайно. Со мной за партой сидел Вова Коваленко, переселенец с Украины. Мы с ним подружились, он был маленького роста, а я крупнее всех в классе. Вова, видимо, рассчитывал на мою помощь, если кто-то будет его бить, а его действительно обижали, правда, больше всего словами. Как-то Вова спросил - почему я записался в школу, где учатся дети бывших кулаков, а на горе есть школа, где наших нет. Он так и сказал: «где наших нет». Мне ничего не оставалось, как сделать для него открытие - а разве по мне не видно, что я из раскулаченных. Вова не сразу поверил мне, а когда я подтвердил ему вполне серьёзно, то он с какой-то радостью произнёс: «Так ты тоже наш».

Буквально на следующий день ко мне изменилось отношение, мальчишки и девчонки улыбались мне, даже учительница, а она сноха кулака, пригласила меня в учительскую и записала в свой талмуд уточнения из моей богатейшей автобиографии. Так началась дружба с моими новыми одноклассниками, меня стали приглашать в гости, но я отказывался, ссылаясь на то, что надо помогать Маме. Совсем другое дело учиться в дружбе со своими сверстниками. Я очень ревностно относился к тем, кто получал хорошие и отличные оценки. Мне не хотелось быть ни вторым, ни третьим, мне нравилось быть лучшим.

Дома обстановка была самая благоприятная для учёбы. Михаил и Стеран не давали мне расслабляться, они учились хорошо, особенно Михаил, у него была хорошая память, он не сидел и не зубрил. Степану было сложнее, хотя его подняли на ноги, но болезнь в нём ещё сидела, она постоянно напоминала о себе. Но, несмотря ни на что, Степан грыз науку, совершенствовал игровое мастерство на гармошке, ему это удавалось и, не только он, но и мы вместе с ним, радовались его успехам.

В школу рабочей молодёжи и на работу со старой квартиры Степану ходить было близко, почти рядом, а отсюда, с Голубевки - 5 км. Но Степан не жаловался, хотя преодолевать такое расстояние туда и обратно, а это 10 км., сказывалось на него самочувствии.

Миша продолжал учиться в 1-ой средней школе, несмотря на то, что ходить, как и Степану, было далеко. Про предложение перейти в Голубевскую школу он даже и слышать не хотел. Там у меня, говорил он, учителя знакомые, друзья, а ходить мне даже полезно, так что,

до окончания десятилетки, я буду учиться там. Он посещал какие-то кружки, знаю, что в кабинете физики, они проводили много опытов и, каждый раз он приходил с новыми изобретениями. Я уже говорил, что он на моих глазах сделал кипятильник, и мы кипятили воду, а сейчас изготовил фотоаппарат.

Сперва он принёс увеличительные стёкла и сказал, что скоро буду всех фотографировать, я не поверил. Но Михаил доказал свою правоту, склеил из тёмной бумаги две коробочки, раза в четыре больше спичечной. Они, как и спичечные, вставлялись одна в другую. Далее он вставил увеличительные стёкла, предварительно определив фокусное расстояние – и фотоаппарат готов. Когда Миша рассказывал про каждую выполняемую им операцию во время сборки, то я удивлялся больше всех, откуда он всё это знает. Этим аппаратом он много раз фотографировал нас, но как вещественное доказательство сохранился лишь один, это снимок Мамы.

На оборотной стороне снимка, рукою Миши написано - «Дорогая Мамочка, этот снимок, собственной работы на Голубевке в 1936 году, я нашёл у друга в альбоме». Выходит, если бы не друг, то и этой фотографии мы сегодня бы не увидели. Когда я вижу эту фотографию, то вспоминаю, как Мама отказывалась, не хотела фотографироваться, но мы уговорили её.

Мы видим гладко причёсанные волосы, чётко выраженный пробор, это любимая причёска Мамы. Белая кофточка с глухой застёжкой, облегающий серый свитер, напоминают смиренную женщину, пришедшую в церковь для покаяния и причастия. Морщинки, появившиеся на лице и, особенно на лбу, утомлённый взгляд – это результат пережитых трагедий.

Дома был целый набор реактивов, Миша сам печатал, проявлял и закреплял только что сделанные снимки. Наша комната превращалась в это время, в фотолабораторию, окно завешивалось одеялом, зажигался красный фонарь, собственного изготовления. В качестве вспышки использовали 150 ват лампочку.

В то время фотоплёнок в теперешнем понимании не было, а были стеклянные пластинки. Миша раскладывал на столе фотобумагу, на неё клал пластинку - негатив, а потом включал лампу, на одну или две секунды, после этого фотобумагу быстро клал в тарелку с проявителем. Вот теперь наступал торжественный момент, когда постепенно появлялось лицо человека, которого фотографировал Миша. Для нас всех было новостью, просто чудом, такое

превращение. Я знал, что есть фотографии, да и сам уже снимался, но чтобы это делал мой брат, меня удивило. Авторитет Мишин в наших глазах поднялся на недостижимую высоту, мы радовались его успеху. Правда, Миша так спокойно, без всякого зазнайства начинал рассказывать, как это всё просто делается, мы соглашались с ним, но в душе гордились его делами.

Наша корова однажды здорово поиздевалась надо мной. Была зима, мороз градусов 20, но светило солнце. Я вышел в одном пиджаке, чтобы дать корове сена. Сбросив с сеновала корм против двери сарая, я открыл дверь, корова вышла. Ничего не подозревая, я стал укладывать сено в кормушку, а корова тихонько, но уверенно стала удаляться от сарая, от дома, по направлению в город. Пару раз догонял её, но она взбрыкивала, хвост трубой, и всё дальше убегала от меня. Нашёл её только у старой холупы, как ни в чем ни бывало, спокойно стоявшей. Меня удивило - как она прибежала сюда, ведь на новую квартиру мы её вели по дороге, где ездят повозки и машины. Сюда же она пришла напрямик, через железнодорожные пути, мимо вагонов. Как она не поломала ноги об рельсы и шпалы? Домой она возвращалась спокойно, даже не пыталась повернуть обратно, хотя у меня не было верёвки, чтобы сделать поводок. Дома я её несколько раз ударил, но для неё это как укус комара. Побег коровы стоил мне болезнью, ангина и высокая температура чуть не свалили меня надолго. Я не ходил в школу три или четыре дня. Может, это помогло, корова больше ни разу не пыталась убежать на старую квартиру.

Зимой на нас напала беда - неслыханное нашествие клопов появилось не только в нашей квартире, но и во всех деревянных домах новой постройки. Народ стал писать жалобы, вызывать комиссии и только летом, в тёплую погоду, к нам появилась комиссия. Убедившись, что здесь не единичный случай, а эпидемия, нам приказали освободить квартиры - будут проводить дезинфекцию. Мы своё барахло перетасили на сеновал, предварительно выбив тряпки от насекомых. Там можно было нормально переждать дезинфекцию. В нашей квартире, как и во всех домах, замазали изнутри все щели, дыры, дымоход, оконные рамы и стёкла, поставили в каких то ёмкостях жидкий газ, после чего замазали двери снаружи. Работу проводили в противогазах, нам, пацанам, было интересно смотреть на людей в противогазах, как на инопланетян. Через три или четыре дня эти же дезинфекторы раскрыли двери, окна, но нам входить запретили. Когда помещения проветрились, их проверили, нет ли газа, нам разрешили заняться уборкой и вновь переселиться и жить. Мы удивились - все клопы лежали на полу мёртвые, мы их собрали и произвели торжественное сожжение. После этого клопов больше не появлялось.

Четвёртый класс я закончил только на хорошо и отлично. Теперь предстояло расставаться с друзьями, со школой, с учительницей, с которой, как и с ребятами, мы стали почти одной семьёй. Теперь новая школа, новые знакомства, а для меня это уже четвёртая по

счёту, если засчитать берёзовскую, правда, ни я к ней, ни она ко мне, как говорится, не успели привыкнуть. А новая, Голубевская школа, оказалась красивой. Трёхэтажное здание, широкие коридоры, просторные светлые классы привлекали даже с первого знакомства. Я был в школе № 1, где учился брат Миша. На первый взгляд строились они по одному проекту, но разница есть, может быть, какие-то изменения всё же были внесены, сейчас не могу вспомнить. Моя новая школа мне понравилась больше.

Я учился всегда успешно, и чтобы в дальнейшем не повторяться, буду подтверждать это документально и фактами. Вот этот снимок сделан в 1935 году, я учился в 5-ом классе. На обороте этого снимка написано, что за отличную успеваемость занесён на доску почёта 7 ноября к годовщине Октября. По окончании праздников, эту фотографию мне разрешили взять. От времени снимок потерял свой вид, но в общих деталях ещё можно разобраться. Точно не помню, но предполагаю, что отсутствие волос на голове связано с пребыванием в пионерских лагерях в летнее время, там обязательно стригли под машинку. Совсем ещё ребёнок, здесь мне 13.5 лет., курносый. Рубашка пошита Мамой из атласа, воротник у рубашки получился слишком большой и я порой не мог с ним справиться. Вид у меня беззаботный, не скрываю свою улыбку, доволен, что фотография будет на доске почёта.

В этом пятом классе меня избрали старостой. Конечно же, какой-то особенной воспитательной работы, кроме как – кому-то дашь по шее за баловство, я не проводил, да и такой работы от старосты никто не требовал. Помню одно школьное собрание, куда пригласили звеньевых, председателей отрядов, пионерважатых, а также старост, с 5-го по 10-ый классы. Всё было хорошо, пока не трогали ни наш класс, ни меня. Но кому-то на язык попал наш класс и, главное, назвали мою фамилию. Я встал, какую-то чепуху молол, а потом, совсем не думая, вынес приговор своему классному руководителю. Вроде, всё правильно, но звучало это предательски - „У нас не проводятся ежемесячные классные собрания, а также родительские собрания, классный руководитель уже давно не приходит в класс, а мне одному трудно”. Мне и по сей день стыдно перед этой молодой женщиной, ведь она была в декрете и в классе отсутствовала всего лишь пару месяцев. Через какое-то время она пришла в класс и со мной даже не стала разговаривать. Оказалось, что критика-то хорошее оружие, но его нужно умело применять. Я по-своему прав, а учительница не нашла нужным со мной разговаривать, выяснить, может быть, всё обошлось бы миром, вдруг я дозрел бы и извинился. В шестом классе у меня была другая классная руководительница, да и старостой класса меня не избирали, так что всё окончилось тихо. Как-то я потерял из вида бывшую классную руководительницу -

или она растила ребёнка и взяла долгосрочный отпуск, или вообще ушла в другую школу. Но надо отдать ей должное, после окончания 5 го класса она написала на меня положительную характеристику. Я себе тоже зарубил на носу, больше в школе не занимался критикой.

Как же мы развлекались на переменах? В то время, как зараза, распространилась игра с „зоской”. Зоска делалась из куска меха, причём, чем сама шерсть длиннее, тем лучше. На кожу, с противоположной стороны от меха пришивалась свинцовая пластинка, размером как пятикопеечная монета – и зоска готова. Игра с зоской очень простая. Бросается зоска вверх. Если шерсть длинная, то она будет спускаться вниз, как на парашюте. Надо, чтобы зоска не упала на пол, её встречным ударом ноги - щиколодкой посылают вверх. В этом состоит игра. Договариваются два или три человека на спор, кто больше раз подбросит зоску в верх, тот победитель. Можно играть на что угодно, даже на деньги. Казалось бы, ничего привлекательного, но она завлекла ребят. Игру с этой зоской можно было встретить и в школе, и у школы, и на любой площадке.

Вторая игра была силовая, здесь могли участвовать и пять, и десять человек. Участники становились в круг, один из них, с помощью обычной считалки начинает выбирать первого - кто будет отгадывающим. Например: «аты баты, шли солдаты, аты баты, на базар, аты баты, что купили, аты баты, самовар». На ком заканчивался счёт, тот и будет отгадывающим. Отгадывающий кладёт левую руку себе под правое плечо, под мышку - ладонью наружу, а правую ладонь кладёт на правую щеку и чуть дальше, как бы прикрывая себе видимость с правой стороны. Один из участников легонько, а, может, и сильно ударит отгадывающего по его ладони, которая под мышкой. Все играющие как можно быстрее и одновременно, пока отгадывающий не обернулся лицом к ним, должны выбросить правые руки перед собой, с зажатым кулаком, но большой палец должен быть направлен вверх. Отгадывающий должен узнать, кто его ударил. Если отгадал, то происходит смена отгадывающего. Не определил, вновь становись и получай удары. Находились грубияны, которые старались ударить как можно сильнее, тогда игра или прекращалась, или грубияна отстраняли от участия в игре.

В январе 1935 года на шахте, где работает Владимир, в ночное время произошла авария. Один электромотор вышел из строя, перестали работать насосы. Вода затопила один из участков, была прекращена угледобыча, правда, человеческих жертв не было. Володя ночевал дома, а ответственным по шахте был или директор, или главный инженер, не помню. Дежурные – электрик и механик – не смогли устранить аварию. Был большой скандал, разбирательства, искали виновных, тогда это было модно. Сперва к Владимиру не имели претензий, а потом стали цепляться, почему главный механик допустил к дежурству не совсем подготовленных специалистов. А когда раскопали, что Володя сын кулака, то всё и закрутилось вокруг этого. Как говорят, всех собак повесили на Володю. Перед судом конвоир-женщина, точно такая,

каких все помнят по кино, в фашистских застенках, привезла на санях Володю домой. Перед тем, как передать Володе продукты и вещи, конвоир лично, своими руками прощупала и проверила. Наше свидание длилось не более 10 минут, Володя как следует даже не успел покушать. Конвоир не разрешала говорить про тюрьму, как там содержат и как кормят. В течение месяца закончилось следствие, и суд приговорил Володю к пяти годам лишения свободы. Надо дополнить - о пяти годах мы узнали позднее, из письма, которое прислал Володя с Колымы.

Нашей семье был нанесён страшнейший удар, мы потеряли второго отца, хотя он оставался жив. Нам перестали давать продовольственные карточки и это был ещё один удар по нашей семье. Каждый раз, когда заходил разговор про Володю, Мама находила приметы из его жизни, может быть, они, думала Мама, привели к такому печальному результату. Мама вспоминала - почти всегда, когда Володя садился обедать, то перед собой ставил зеркало. Она убирала и говорила: «ты же сам себя съедаешь, не делай больше так». Володя вроде понимал, но потом, как-то уже автоматически, повторял ставить зеркало перед собой. Кто бы мог сказать - эта примета или другая какая-то, которую мы не заметили, так отразилась на судьбе Владимира. Ведь он был всегда спокойным, никогда, никого не обижал, а если разобраться, то мы ему надоедали, связали его по ногам и рукам. Ему исполнилось 24 года, но он не жил для себя, у него не было личной жизни, он, как и отец думал - ещё немного и всё пойдет по-другому. Да! Все пошло по-другому, но теперь уже за колючей проволокой.

Мама, Михаил и я, по очереди, начиная с 5-6 часов утра, на улице ждали привоза хлеба, чтобы получить в руки одну буханку. Бывали дни, когда хлеб не привозили, но нам заранее никто не говорил, что хлеба не будет. Отстояв рабочую смену в очереди, мы пустые приходили домой. Кто не видел эту жизнь, тому трудно поверить и понять, каково было нам, особенно нашей Маме. Нас спасало от полного голода то, что мы выращивали картофель, его нам хватало почти до нового урожая. Ну и наша пятититечная корова помогала нам.

Брат Иван, во время дежурства в шахте, под землёй увидел, как маленькая девчонка с большим усилием толкает по рельсам вагонетку с углём. Он ей помог, так они познакомились. Сколько они встречались, не знаю, но однажды Иван предупредил Маму, что приведёт девушку, и попросил что-нибудь приготовить для угощения. Вечером Иван представил свою знакомую, мы были все рады, Мама стала накрывать на стол. Девушку звали Тася, она мне показалась симпатичной, маленького роста, с короткой стрижкой. Иван и Тася были внимательны друг к другу, весело улыбались. Ещё не закончив ужинать, Тасе стало плохо, её стало тошнить и даже вырвало, она упала на пол, стала охать. От боли она, можно сказать, извивалась на полу. Видимо от сильного напряжения, Тася довольно громко пукнула. Мы все, конечно же, не подали никакого вида.

Мама стала отпаивать Тасю горячим чаем с ромашкой. Постепенно Тася пришла, как говорят, в себя и рассказала, что целый день ничего не ела, а после выпитой рюмки стало плохо. Естественно, у Таси настроение испортилось, она стала собираться уходить, но Мама вывела её на кухню и помогла ей привести себя в порядок. Перед уходом, Тася почистила пол, а Ивана взяла за ухо и, улыбаясь, произнесла: «это ты виноват, напоил меня».

Дружба Таси с Иваном продолжалась, она иногда приходила к нам. Мы Ивана спрашивали, а как же шрам, мешает или нет, он улыбался и говорил, Тася даже целует в шрам, он ей нравится.

Порфирий узнал, что Владимира арестовали, очень беспокоился, стал думать, что приходит и его очередь, значит, и до него доберутся. В Новокузнецке он встретил друга, ещё по школе, тоже из раскулаченных, и решили найти себе убежище за границей. Попытка убежать в Иран сорвалась, его друга, по фамилии Вертоградский, задержали на границе, а Порфирию удалось бежать. Порфирий приехал к нам и рассказал на семейном совете о случившемся. Порфирий спешил куда-то скрыться, а то, думал он, Вертоградский расскажет про него, как соучастника побега. Было решено паспорт Ивана отдать Порфирию, а Иван через несколько дней заявит в милицию, о пропаже паспорта. Так и сделали, Порфирий с паспортом Ивана уехал в неизвестном направлении. Через месяц или два Иван получил новый паспорт, и это не отразилось на его дальнейшей судьбе.

Сразу после начала нового 1936 года мы переехали в центр города. Кто нам содействовал в замене квартирами, хоть убей, не помню. Квартира была хуже, чем голубевская, здесь была всего лишь одна комната с кухней, без тёплого туалета. Но Мама говорила, что ей здесь лучше - есть огород, квартира на первом этаже, а главное - это всем близко ходить на работу и в школу. Мама, прежде всего, беспокоилась за Степана, что ему теперь не надо будет далеко ходить на работу. Дом одноэтажный, четырёхквартирный. Каждая квартира имела свой отдельный вход. Хотя дом одноэтажный, но окна были высоко от земли, без подставки окно не достать. Семь ступенек и площадка 1,5 на 1,5м - это наше крыльцо. Надо повернуть влево и мы перед дверью в наши сени, длина которых 5 метров, слева вход в кладовку шириной 2 метра, под полом погреб для картофеля и овощей. Очень удобно, зимой овощи не замерзают. Из сеней вправо - вход на кухню, размером 3 на 5 метров. Прямо – плита с духовкой. Справа от плиты вход в комнату 20 м² площадью. Вдоль стены, из кухни в комнату, два окна. Одно на кухне, одно в комнате. Когда горят уголь или дрова в плите, то нагревается стена в комнате, зимой бывает тепло. Когда смотришь из окна на улицу, то метров в десяти от дома виден забор и калитка на улицу, которая называется Рудничная. Дом наш имеет № 10.

Когда выходишь из квартиры и останавливаешься на ступеньках крыльца, то правее забора – наш огород, его размер 40 на 25 м. Наша улица, как и все улицы, разрезает город с востока на запад. Севернее проходит Пролетарская улица, далее – Ленинская. Ленинская по

середине имеет аллею со скамейками и декоративными кустарниками по бокам. Кроме того, аллея огорожена низким заборчиком на протяжении всей улицы. Справа и слева от аллеи – дороги для проезда транспорта. На Ленинской улице средняя школа № 2, где я буду учиться, а рядом кинотеатр, здесь впервые стали демонстрировать звуковое кино. Ещё севернее – улица К.Маркса, на ней школа рабочей молодёжи или вечерняя школа. Здесь же трёхэтажный универмаг, рядом трёхэтажное здание, где размещалось шахтоуправление, по этажам которого ходил Степан, работая курьером. Слева от рудничной улицы проходила городская улица. Далее, параллельно тянулся глубокий овраг. Этот овраг превратили в хороший стадион, с минимальными затратами для строительства трибун, раздевалок, комнат отдыха спортсменам и для занятий в секциях. Я назвал только те улицы и учреждения, с которыми меня свяжет судьба в ближайшем будущем.

Переселяясь в однокомнатную квартиру, мы даже не задумывались, как будем размещаться, знали, что хуже, чем на Партизанской улице, нам не будет. В новой квартире нам всем нашлось место для нормальной жизни и отдыха. Мама определила себе место на кухне, там поставили её кровать, как будто здесь она стояла всё время. В комнате поставили три кровати, а посередине круглый стол. Мы с Мишей спали на одной кровати, а Иван и Степан отдельно, каждый на своей. Белить квартиру не надо было, стены и потолок оказались совершенно чистые и белые. Когда Мама повесила тюлевые занавески на окна, то квартира стала выглядеть весёлой, само собой – и нам становилось веселей.

Новая школа встретила как-то уныло, мне показалось, что потолки даже давят, прижимают тебя к полу, а пол невероятно скрипел.

Но это было первое впечатление. Позднее все стало на свои места, учителя были приветливые, ученики, как и везде – есть задиры, а есть просто умные и их больше. Вот я смотрю на фотографию 6-го класса и вспоминаю, как ребята группировались около меня, а я среди них самый маленький. Вот вижу Петю Веригина, он брат той ослепшей девочки, которая одновременно со мной болела оспой, значит, он мой

земляк, вновь встретились. Есть две учительницы. Преподаватель русского языка и литературы, старенькая, милейшая Апполинария Ивановна.

Мне кажется, она не уходила домой - вечно в школе, после уроков у неё занятия в кружке литературного чтения или

дополнительные занятия с отстающими. Рядом сидит преподаватель немецкого языка - Эльза, а вот отчество забыл. Правее Апполинарии Ивановны две девушки – Валя и Тоня, вот они настоящие барышни, после окончания шестого класса вышли замуж.

Около меня стоят два моих друга, с которыми больше всего проводил время. Слева - Федя Колесников, а справа-Миша Урюпин. Они на целую голову выше меня, а вот после окончания седьмого класса я не только догнал, но и перегнал их по росту, это хорошо видно на фотографии седьмого класса. Наверное, я обязан был тянуться вверх, ведь мне предстояло получать паспорт, кроме того, у меня на левой стороне костюма прикреплены два спортивных значка.

За прошедший год, это видно на фотографии, я изменил причёску, она называется «Бобрик». Не только причёска, но и рубашка косоворотка придали мне какой то бравый вид. Среди новых друзей появился Коля Иванов, он слева от меня. У него была одна характерная черта: если за диктант, сочинение или контрольную работу ему выставляли оценку ниже, чем мне, он бритвочкой делал порезы на левой руке до крови. А вообще он был замечательным другом, мы с ним вели активную переписку во время войны, он служил лётчиком в Забайкалье.

По сравнению с шестым классом мало что изменилось, только появились две новые учительницы. Рядом со мной стоит преподаватель истории, имя её не помню, и преподаватель биологии Галина, отчество забыл, она сидит рядом с нашей старушкой Апполинарией Ивановной.

Миша готовился к отъезду и ждал вызова из института, он подал документы в Томский индустриальный институт. Вызов пришёл где-то во второй декаде июня 1936 года, и мы загрустили. Первый раз нам пришлось разлучаться с Мишей. Правда, взрослые восприняли разлуку как нормальное явление, а вот мне было трудно представить, что я останусь без Миши. Столько лет рядом, ведь мы разлучались только на время, когда ездили в пионерские лагеря, а так всё вместе и вместе. Миша успокаивал меня тем, что мы скоро увидимся, он едет на вступительные экзамены и после их сдачи приедет в Прокопьевск, и до конца августа опять будем вместе. На железнодорожную станцию Мишу провожал я один, взрослые простились

дома. После отхода поезда я почувствовал себя сиротой, но до слёз дело не дошло, хотя они грызли мне глаза.

Недели через три, а может через месяц, Миша возвратился домой, он был радостный, я бы сказал, торжественный какой-то. Прежде всего, он достал и показал свой студенческий билет, где было написано, что он является студентом 1-го курса Томского Индустриального института. Мама, Иван и Степан поздравляли Мишу, радовались вместе с ним. Только у меня было какое-то двоякое чувство. Мне не хотелось, чтобы он уезжал, но я радовался его успехам.

Пусть Мама и не знала точного года, месяца и дня моего рождения, но как то всё равно все близкие называли мой возраст. А свидетельства о моём рождении не было. Это никого не волновало, пока не пришло время получать паспорт. Так со своим примерным возрастом я прожил до 1937 года, когда по моим подсчётам, мне должно было исполниться 16 лет. В этом возрасте все нормальные ребята получают паспорт, значит, и мне надо идти в милицию за паспортом. Всех, у кого нет свидетельства о рождении, милиция направляла в поликлинику. Оказывается, там работал врач, который определял возраст. Вот меня и направили к этому врачу. Мне даже было боязно, а вдруг врач назовёт другой возраст, не тот, к которому я привык. Но ничего плохого не произошло. Врач взвесил меня, замерил рост и потом спросил, а сколько тебе лет? Я сказал-16. Вот врач выписал мне справку, в которой значилось, что мне 16 лет. Оказалось, что нет никакой сложности определить возраст человека. По этой справке мне выдали паспорт. А вот день рождения, 6-го июня, я избрал сам, как у А.С. Пушкина. Позднее, спустя много много лет я задумался, а вдруг я свои дни рождения отмечаю не в тот день, когда родился. Я обратился в православную церковь с просьбой уточнить, в каком месяце, и какого числа был праздник Святой Троицы в 1921 году. Мне сообщили, что Троица была 19 июня по новому и 6 июня по старому стилю. Значит, я всё время отмечал свой день рождения по старому стилю. Хоть одна дата совпала.

Учёба мне давалась хорошо, по окончании седьмого класса, как отличника, направили в пионерский лагерь Артэк, где находился всю первую четверть, с 29-го августа, по 1-ое ноября 1937 года. Перед отъездом в Крым мне говорили, что в пионерлагере будут проводиться нормальные занятия, но там занятий не было, а только развлечения. Купания в море, игра в волейбол и футбол, походы на экскурсии и морские прогулки, всё это под руководством опытных вожатых. Никогда не забыть красоты Крыма - Воронцовский дворец, Ботанический сад, Ласточкино гнездо, домики Чехова и Айвазовского. Повсюду с нами были песни, у каждого отряда свои, и мы их пели, радуясь всему прекрасному, что давала нам артэковская жизнь. Отрывки из некоторых песен, сохранились по сей день.

*Везут, везут ребят
Машины грозные гудят,
Куда везёте, сколько человек
И слышим мы в ответ
В Артэк, В Артэк.*

Или:
*И помнит каждый час
 Любимый Молотов о нас,
 Как много сделал этот человек -
 Мы во дворце живём,
 И мы всегда поём:
 Артэк, Артэк.*

Я помню почти каждый свой шаг в лагере, в голове целый рой воспоминаний, с чего продолжать, надо подумать. Всего из города Прокопьевска приехало одиннадцать детей. Из нашей школы, двое. Со мной был мой одноклассник Миша Урюпин, который попал в список совершенно случайно. Двадцать девятого августа я пришёл в школу, чтобы узнать, в списках какого класса я записан. После бесед со многими ребятами, мы с Мишей пошли ко мне домой, я жил недалеко. Я хотел переодеться и пойти играть в футбол, вдруг входит посыльная из школы и говорит - Леонов, иди, тебя директор зовёт. Я даже испугался, может, кто пожаловался на меня.

Со мной пошёл и Миша. Директор спросил - ты с кем пришёл, я ответил - с Мишей Урюпиным. Пусть войдёт, сказал директор. Когда мы вошли оба, директор сказал - поедете в Артэк? Я с удивлением выразил - а как учёба, ведь через два дня в школу. Там будете учиться, ответил директор. Мы согласились, и нам был установлен срок на сборы два часа. Мама радовалась и боялась отпускать меня в такую даль, но, видя моё весёлое настроение, согласилась и пошла меня провожать.

Вот так мы оказались во всесоюзной здравнице, пионерлагере Артеке, который размещался в трёх местах. В городе Гурзуфе, в бывшем царском дворце, а два других у подножия горы Аю-Даг, в переводе - гора Медведь. Я жил в нижнем лагере, он был на самом берегу моря и у самой горы, высота которой около 600 метров. Когда мы разместились, то нам показали, вот гора Медведь. Однако впечатления не было никакого, только увидев

гору со стороны моря, во время морской прогулки, приходишь в восхищение - действительно это Медведь.

Образовалась гора от извержения пород, которые в раскалённом виде двигались на море и, при охлаждении, застыли в образе Медведя. Хорошо видны лапы и голова с мордой животного.

Во время экскурсий мы фотографировались, но до отъезда снимки не были готовы, я их получил по почте. Каково же было моё удивление, когда я увидел лицо моего пионервожатого, замазанного чернилами, якобы он оказался врагом народа. Тогда, это было самое ходовое звучание, не только на собраниях, на предприятиях, но даже в школе, в пионерских дружинах: “враг народа”.

Этот снимок на лестнице от самого моря до входа в Воронцовский дворец в г. Алупка. Рассказать по фотографии о красотах этого дворца и окрестностях я не берусь, не получится. Если смотреть на снимок, то меня отыскать легко. В самом верхнем ряду стоят три пионера. Второй слева Миша Урюпин, а я третий слева.

Каждый год, начиная с третьего класса, я бывал в пионерских лагерях, иногда по две смены. Одна смена длилась 20 дней. Я не буду рассказывать обо всех лагерях, они похожи друг на друга, а вот об одном расскажу.

Самый хороший лагерь был около деревни Кирлягеш, там, где мой Папа, выстроил свой первый дом в Сибири. Это та деревня, куда Мама с Димой приехали со Смоленщины. Может, тот дом ещё стоял, но без Мама его трудно было найти. Деревня стала большая, а дома почти все похожие друг на друга. Есть пословица - как кошки ночью бывают все чёрные, их не различишь, так и эти дома. Километра три от этой деревни, на берегу реки Чумыш, был когда-то хутор из 8 домов. Самые обыкновенные крестьянские дома. Наверное, власти выкупили у крестьян эти дома специально для пионеров.

Так было во всех пионерлагерях, специальных домиков не строили. В каждом доме размещалось 10-15 детей, в зависимости от количества комнат. Место было очень красивое, широкая река, а за ней начинался лес. Я никогда не видел Кедровых деревьев. Орехи приходилось грызть, а само дерево увидел впервые. Какие они красавцы! Река называется Чумыш. Она вообще-то судоходная, но в этом месте мелкая, так что для купания детей очень удобно. Домики располагались вдоль реки. Перед домами была поляна, на которой сделали площадку для торжеств, стояла мачта для флага. Ближе к реке отведено место для костров. Особое впечатление остаётся от того, как кормят. Вот в этом лагере кормили пять раз, как на убой. Завтрак, обед, ужин, а ещё был второй завтрак и полдник.

Ясно, что если пионерлагерь, то дисциплина. Подъём, физзарядка, умывание, заправка постелей, а потом завтрак. С первых дней подготовка к открытию сезона, приведение в порядок

площади, дорожек, своих помещений. Надо было подготовить и выступления самодеятельности, а также спортивные соревнования. Обычно открытие назначалось через неделю после прибытия в лагерь.

Один раз у нас физруком был чемпион области по метанию гранат. Мы ходили около него как цыплята около своей курицы. Он выглядел как настоящий атлет, мощные мускулы выступали из под майки. Мне сразу захотелось быть таким же, как он. Помню, как он учил нас делать массаж. Назначал по два человека, один ложился, второй массажировал, потом менялись. А он всё это показывал. Такие массажи мы делали под его руководством. Ну, а если он чемпион по метанию гранат, то все хотели тоже быстрее научиться бросать гранаты. Оказалось, и здесь надо многое знать. Прежде всего, надо научиться правильно держать гранату перед броском. Потом – как делать разбег, ну и, самое главное, как бросить гранату. Если граната в полёте будет кувыркаться, то результат будет плохой. Надо, чтобы граната летела, как стрела, тогда может получиться рекорд. Граната имеет вес 500 грамм. Вот почему надо знать приёмы и иметь навыки. Наш чемпион метал гранату на 68 метров, ну а мы на 10-15 м.

Остаются в памяти открытие и закрытие сезона. Костры, песни, танцы у костра. В эти дни мы поздно ложились спать. Каждый день утром подъём флага, а вечером - спуск. Хотя горнисты и барабанщики не всегда хорошо играли, но торжество от самой обстановки как-то заражало.

Когда отдыхаешь в августе месяце, тогда можно пойти за кедровыми орехами. Одних нас в лес не пускали, говорили, что там есть медведи. За орехами шли шумной компанией, почти всем лагерем. Сбор орехов – дело сложное. Кедр высокий, чуть ли не до половины отсутствуют ветки, за которые можно было бы ухватиться и добираться выше, где обилие шишек. К нам на помощь приходил из деревни мужчина, умеющий заготавливать шишки. Мы помогали ему нести в лес лестницу, багор, а он ещё имел длинную верёвку. Вот с его помощью мы набирали по несколько шишек. Надо сказать, что в это время шишки ещё не полностью созревают, и вкус не такой. Самая пора сбора орехов начинается глубокой осенью и зимой. Сейчас же нас водили в лес, чтобы удовлетворить наше любопытство.

Расставание с лагерем всегда бывает немного грустным, но что поделаешь, время кончилось, надо уезжать домой. Однако воспоминание о доме опять поднимает настроение. В день отъезда и у меня было хорошее настроение. До прихода машин я решил выстирать свои трусы, а после стирки положил их на крышу нашего дома - многие там сушили на солнышке. Когда поступила команда «по машинам», я про трусики забыл, там они до сих пор сохнут, вот такой урон я потерпел за первое моё пребывание в пионерлагере.

Я увлёкся футболом. Рядом хороший стадион и меня тянуло туда. В Прокопьевске стали проводиться соревнования по футболу с участием команд мастеров. Почти каждое спортивное общество создавало детские и юношеские футбольные команды. Органы милиции

создали команду «Динамо», промкомбинат – команду «Спартак», а больницы и здравотдел города - свою и называли её «Медик». Мне понравилось общество медиков - я несколько раз видел, как там организованы занятия в секции и тренировки с юными футболистами, поэтому записался к медикам. У них была красивая форма: футболка белая, окантовка рукавов, воротника и на карманчике отделана голубенькой тесёмочкой, а трусы, наоборот, голубенькие с белой окантовкой. Ребята в команду подобрались не самые сильные, но на тренировках с каждым разом показывали всё лучшие и лучшие результаты. И ещё мне нравилось то, что после каждой тренировки и каждой игры форму не нужно было стирать самому, как в других командах. Форму нам всегда приносили чистенькую и выглаженную.

В начале лета стали проводить товарищеские встречи, а в конце лета - на первенство города. Нашу команду дразнили «пупорезами». После нескольких тренировок мне предложили занять место в воротах. Как и все вратари, я тоже пропускал мячи в свои ворота, ведь ворота широкие (6 м.), мяч круглый, может, гад, залететь туда, где его не ждёшь. Однако у меня была одна положительная для вратаря черта - я не боялся бросаться в ноги нападающему игроку и забирал мяч. Но такие фокусы не проходили бесследно, я приходил домой с кровяными подтёками на боках и с разбитыми коленями, но это меня не останавливало. Самая сильная команда была из шахтёрской молодёжи и называлась «Горняк». Мы им проигрывали, бывало, и с крупным счётом.

Одно время в 1933- 1935 годах на молодёжь, как поветрие, напала мода одевать шапки-кубанки. Их шили на разный вкус и одевали на голову по-разному. Кто оденет на самый затылок, кто надвинет на лоб, а кто на левое ухо или правый висок, жаль только, что не было жюри для определения победителя. Степан участвовал в этом необъявленном конкурсе.

За красоту Степана, за его скромный вид, конечно, он бы победил в нём.

В восьми километрах от города объединёнными усилиями всех шахт была создана или построена очень хорошая база отдыха. Эту базу называли: «Зенковский парк культуры и отдыха». Там была

маленькая деревня Зенково и такого же названия речушка. Вот её перегородили плотиной, и образовался большой водный бассейн. На правом берегу - туда можно попасть только через плотину или на лодке, был построен большой ресторан. Пожалуй, больше чем

половина ресторана держалась на сваях на воде. Правый берег у плотины был крутой, а дальше почти сравнивался с поверхностью водоёма. На левом берегу, как по заказу, раскинулся сосновый бор, почти квадратной формы (км. 5 на 5). На самом берегу пруда и по близости в лесу ещё весной, до открытия сезона отдыха, выстраивались всевозможные киоски, ларьки и магазины. В день открытия сезона, а потом каждое воскресенье, здесь полным ходом идёт праздничная торговля, разворачиваются всевозможные аттракционы и во многих местах дымят шашлычные. Очень часто в эти дни с культурными программами приезжали коллективы художественной самодеятельности. Со своей гармошкой выступал и наш Степан, он исполнил несколько песен, после этого сфотографировался, сидя в лодке. На снимке виден правый берег, и даже ресторан на воде.

За спиной у Степана сидит товарищ из самодеятельности, а с вёслами друг старшего брата Владимира - Никита Никишов, я о нём уже рассказывал. В воскресные дни молодёжь города, и не только, как на крыльях устремлялись в Зенково на отдых. Добраться в парк было очень просто. Через каждые 30 мин. с железнодорожной станции отправлялся пассажирский поезд в составе 8-ми вагонов. Через каждые 5 км., в самом городе, поезд делал короткие остановки у специальных площадок, забирал желающих и мчался в Зенково. Перевозка выполнялась бесплатно. Последний рейс из Зенково в Прокпьевск планировался в 22 часа. Я всего два или три раза посетил парк. Не потому, что не хотел насладиться здоровым воздухом и красотой парка, из-за отсутствия лишних денег. Ведь обилие всех прелестей на прилавках как магнитом притягивали к себе. Не попробовать, пройти мимо было невозможно. Я надеялся на будущее, когда начну работать.

Мне до сих пор стыдно за мою оплошность, какую я допустил, выполняя поручение Мама.

Было лето 1937года, Степан привел в гости к нам девчонку, не перед женитьбой, а так просто. Выглядела она как молодая берёзка - тоненькая, худенькая, курносенькая, но, на мой взгляд, красивая. Мама дала мне деньги и сказала, чтобы я купил грамм 300 конфет к чаю, который Мама собиралась предложить госте. Вместо шоколадных, я принёс обыкновенных подушечек с начинкой. Маму даже в краску бросило - разве такие конфеты можно подавать гостям, с грустью сказала она. Ничего не оставалось, как нести и ставить на стол. Но ни Степан, ни девушка - звали её Аня - чай, и конфеты не трогали. Проводив Аню, Степан весёлый вернулся домой, а Мама выразила свои извинения за дешёвые конфеты и за меня, что я такие купил. Степан совершенно спокойно сказал: «не нужно устраивать показуху, Мама, Аня знает наше положение».

Иван с Тасей женились тихонько, без свадьбы, по крайней мере, в нашей квартире стол не накрывали и поздравительных речей не произносили. Может быть, они праздновали в другом месте, утверждать не могу. У Таси был женатый родной брат, жил тоже в нашем городе, может у них отметили свадьбу. Не знаю как Мама со Степаном, но я их не поздравлял, как то случай не подвернулся. Обид на Ивана не было и не могло быть, мы были довольны, что он нашёл свою судьбу, его теперь перестал

тяготить шрам на носу. Молодые ходили один за другим, как утки. Иван встречал и провожал Тасю на работу и с работы, но и она не отставала - если была свободная, шла встречать его. Иван настаивал, чтобы Тася уволилась, перестала толкать вагонетки, но она ссылалась на то, что такую зарплату нигде больше не получить, а сейчас у них потребности, как у молодожёнов, возросли. Доводы были вескими, но жизнь берёт своё - Тася забеременела и вынуждена была бросить тяжёлую работу. Она поступила на курсы парикмахеров и по окончании их стала работать в мужской парикмахерской.

После окончания первого курса Индустриального института в 1937 году, Михаил понял, что на серьёзную материальную помощь из дома ему рассчитывать не приходится. Иван женился, теперь у него своя семья, а у Степана слабое здоровье. Да и живёт он отдельно, в Крыму. И тех денег, которые он зарабатывает, вряд ли ему хватает, ведь надо прожить и лечиться. Я ещё не работал. На первых порах Миша думал вообще бросить учёбу и вернуться домой. Однако, нет худа без добра.

Миша узнал, что в Томске есть Педагогический институт со сроком обучения 3 года. Михаилу повезло - учитывая, что он окончил с хорошими оценками первый курс индустриального института, его приняли на второй курс педагогического. Теперь ему оставалось учиться два года. 1937-1938 и 1938-1939 годы. Но это было мало утешительно. Стипендия была маленькой, на нее прожить невозможно. Миша рассказывал, что почти все студенты нуждались в материальной поддержке и многие находили работу. Основным местом работы

была железнодорожная станция и речной порт. Там требовались временные рабочие на выгрузку барж и загрузку грузов в вагоны, а также разгрузку вагонов. Речной порт и железная

дорога взыскивали большие штрафы с предприятий, за сверхнормативный простой вагонов и барж. Поэтому предприятия платили хорошие деньги, лишь бы своевременно разгрузить и погрузить вагоны и баржи. Миша говорил, что достаточно было два раза в неделю, особенно в выходные или праздничные дни, поработать в ночное время.

Это успокаивало Маму.

В 1938 году Миша приехал на каникулы в новом костюме, опрятно одетым, но, как говорят, не куражился, компании не заводил, оставался дома. Всегда Миша был крепкого телосложения, но сейчас он выглядел просто атлетически. Широкие и мощные плечи, крепкие руки, упругая шея и упитанное лицо говорили о незаурядном здоровье моего 19 летнего брата.

Мы с Мишей, за время его отпуска, серьёзно занялись нашим картофельным полем, дважды пропалывали и окучивали, а перед отъездом в институт, выкопали и перевезли урожай домой. Мама невероятно радовалась от того внимания, которое оказывал Миша.

Где-то Мама достала овечью шерсть, из которой катают валенки. Я собственных валенок не имел, мне всегда доставались обноски, да и те подшитые. Теперь я размышлял - закажу себе такие, чтобы голяшка была с отворотом около коленка. Я видел у некоторых богачей такие. На пути к задуманным валенкам появилось первое препятствие - где найти мастера? В городе такого мастера нет, но кто-то мне дал адрес в городе Киселёвске, а это 11 км от Прокопьевска. Собственного транспорта у меня нет, а туда добраться можно пешком или на поезде. Поезда ходили редко, значит, надо идти пешком, так я и сделал. Мастер, взвесив шерсть, сразил меня - на мой рост, оказывается, шерсти мало - заявил он. У него шерсти на продажу не нашлось, и я с трудом упросил его сделать валенки из той шерсти, которую имею. В назначенный день, с волнением я появился у мастера. На вид валенки были красивыми, и когда я их одел, то чуть не обрадовался, но тут же почувствовал, что мои пальцы сдавлены. Мастер оказался прав, но что делать, я сам его упросил, теперь носи и, как говорят, бога проси, чтобы скорее порвались. А дома Мама стала ругать мастера, зачем он сделал такие высокие голяшки. Можно было укоротить голяшки и тогда шерсти хватило бы, чтобы сделать валенки на размер больше. Теперь к нему не пойдёшь ругаться, он же предупреждал. У меня ещё теплилась надежда, что они разносятся, но это не из кожи, не разношиваются. Так я износил их, ни разу не ощутив удовольствия, а только боль в пальцах. Правда, когда я снимал дома валенки, тогда наступало блаженство.

В конце лета 1938 года, вечером, наша корова возвратилась с пастбища раненая. У неё волочилась по земле вылезшая из живота кишка. Мы вызвали ветеринара, и его заключение было суровым - немедленно резать корову, а то корова погибнет, и мясо не будет годно к употреблению. Мы нашли пожилого мужчину, который согласился забить корову и ободрать шкуру. В несчастье было какое-то счастье, что Михаил был ещё дома, он уже собирался ехать в институт после каникул. Погода стояла жаркая, но нас пробирала дрожь, - что делать с мясом,

куда его девать, ведь оно может испортиться. Рынок от нас был в 2 км, транспорта у нас нету. Мы с Михаилом перетаскали мясо на рынок, на своём горбу. В первый день продажа была слабая, народ подходил, ковырял мясо, но не покупал, вид у мяса был красный, не товарный. Ночью было прохладно, мы с Михаилом изрядно продрогли, но в душе были рады, что эта прохлада поможет нашему мясу. Утром стал собираться народ. Мы с Михаилом стали зазывать народ к себе всякими шутками, прибаутками. Я и по сей день удивляюсь, откуда у нас взялась такая прыть, такое красноречие, ведь торговали мы в первый раз. К обеду жара поднималась, а настроение наше падало, на наши шутки мало кто реагировал. И вот подходит к нам женщина, берёт пару килограмм мяса и так довольно громко говорит: «вчера взяла мясо, оно оказалось очень хорошее, пришла сегодня взять ещё, пока не разобрали». После этих слов к нам выстроилась очередь, и, может быть, через час-другой мясо было распродано. Кто такая эта женщина - наша спасительница, я не знаю. Хотел бы её увидеть после этого, но нет, она мне больше не встретилась.

Мы, радостные чуть не до слёз, вернулись домой, и вручили Маме около 300 рублей. Вот так наша рекордистка закончила свою жизнь. Может быть, и у неё было счастье, что мясо пошло на пользу людям.

Перед отъездом в институт, Миша пригласил Маму и меня в кинотеатр, какая картина шла, не могу вспомнить. Мама обрадовалась и охотно согласилась пойти, ведь она не представляла себе, что такое кино. Когда Мама оделась, то мы удивились – оказывается, она хорошо и молодо выглядит. Миша молодец, тут же сказал Маме об этом. У Мамы даже щёчки покрылись румянцем. А на самом-то деле, ведь она не была ещё старухой, ей было только 45 лет. Вот я и думаю сейчас, ведь совсем немного человеку нужно для счастья - всего лишь сын пригласил в кино – и Мама счастливая. Я себя в то время упрекал, почему мне не пришла ни разу такая идея в голову, а вот брату пришла, и он её исполнил. Я не обиделся на Мишу, а просто ещё раз убедился, что он умнее меня.

Наш кинотеатр построен по современному проекту, зрительный зал вмещал 600 человек. В фойе имелась небольшая эстрада, на которой выступали певцы и музыканты. Эти концерты устраивались за 15 минут до начала сеансов каждый день. В летнее время, кроме того, был выход на веранду со второго этажа, и там можно было под музыку танцевать. Погода была хорошая и мы пришли раньше, чтобы дать возможность Маме немножко расслабиться. Миша пригласил Маму на танец, но Мама отказалась, ведь она не умела танцевать. Домой возвращались, обсуждая фильм, Мама была очень довольная.

Осенью 1937 года Ивана призвали в Армию. Как-то никакой трагедии при провах не было. Все понимали - время пришло, надо идти служить, чем раньше, тем лучше. Однако, Тася смотрела на уход Ивана в Армию совсем по-другому, ведь она беременная и будущее её пугало. Мне кажется, что по тем временам Ивану должны были предоставить отсрочку от призыва, но почему Иван не добился её, непонятно. Мама не работала, я – учащийся, Тася беременная, единственным кормильцем являлся Иван, значит, его должны были освободить от службы. Может, тогда законы были другие, такое семейное положение,

как у Ивана, не принималось во внимание.

Через несколько дней от Ивана пришло письмо - он уже находился в г. Хабаровске. Как и все солдаты, он прислал фотографию. В каких войсках он служил, в письме ничего не написано, однако, по военной форме можно было догадаться, что это железнодорожные или строительные части. Ну а нас осталось трое, ждать помощи не от кого, надо было думать.

Все взгляды в мою сторону: старшие братья уехали кто куда, мы оставались без средств существования, я вынужден идти искать работу. По стопам Ивана и Степана я пошёл на шахту 3-3 бис. В отделе кадров хорошо помнили Степана, поэтому меня прямо спросили: что умею и что хочу? У меня каких-то навыков и определённых планов не было, кроме моих восьми классов. На шахте, при профкоме, создавалась школа по ликвидации неграмотности, сокращённо это звучало (ликбез). Мне предложили пойти и посмотреть, как там проходят занятия. Если мне будет по душе, то меня могут принять в эту школу учителем. Там работала одна женщина, а требовалось ещё три. Занятия проводились с утра и после обеда, по принципу вечерней школы. Для этой школы были выделены два кабинета. В одном кабинете установлены парты, классная доска и плакаты с изображением букв, слов и всё остальное для первоклашек, как в обычной школе. Второй кабинет – для заведующего этой школы, но самого заведующего ещё не приняли. В обязанности заведующего входило, помимо проведения занятий, вовлечение неграмотных в школу, ходить по цехам, разъяснять важность овладения знаниями. Я помню, в то время газеты и радио призывали идти учиться. На предприятиях были вывешаны такие призывы – «учение свет, не учение - тьма». Я поприблизился на занятиях у единственной учительницы, она была подготовлена, и мне понравилось, как она вела урок. Я

честно себе признался, что я так бы не провёл урок. Эта учительница уговаривала меня, чтобы соглашался. Она говорила, что у неё тоже нет среднего образования, но она работала пионерважтой. Я пробовал идти по цехам агитировать, но и здесь я чувствовал себя не в своей тарелке. Моя застенчивость мешала мне. На этом моя попытка начать свою трудовую деятельность закончилась полным провалом.

Работу я нашёл на шахте № 11, которая находилась далеко, километра 3 от дома. Шахта, кроме своего номера, имела ещё и название Манеиха. Около шахты вырос посёлок, население его – переселенцы из других местностей, много было раскулаченных. Посёлок назывался тоже Манеиха, так что никто в то время не знал - или посёлок носил название шахты, или шахта носила название посёлка. В отделе кадров мне предложили работать табельщиком. Работа в три смены: с 6.00 до 12.00, с 12.00 до 18.00 и с 18.00 до 24.00 часов.

Помещение табельщиков находилось у проходной при спуске в шахту. На стене комнаты укреплена доска, а на ней на гвоздиках вывешиваются жестяные номерки, это табельные номера рабочих. Перед заступлением на смену табельщику вручали списки (табеля) рабочих, которые должны спускаться на работу в шахту в данное время. Шахтер, проходя мимо табельщика, опускает свой номерок в ящик, а сам спускается в шахту. Надо было смотреть, чтобы кто-то не бросил в ящик два номерка. Бывали случаи, когда прогульщик спал дома пьяный, а его номерок работает. За такие случаи табельщика могли уволить с работы. Когда все рабочие спустились в шахту, табельщик вынимает все жетончики из ящика и сверяет с табелем. Если через 30 минут рабочий не сдал номерок, то нужно было сообщить в бухгалтерию. После окончания смены шахтёры выходят, и табельщик возвращает каждому его номерок. Если остался номерок, значит, нужно срочно сообщить в бухгалтерию фамилию рабочего, который не вышел из шахты, может, с ним произошёл несчастный случай. Первое время меня такая работа устраивала, хотя и нужно было вставать рано, когда смена начиналась с 6 часов утра. Смена продолжалась 6 часов, однако фактически табельщик был занят непосредственно своей работой не более двух часов, в остальное время можно было учить уроки.

Чем дальше, тем больше стало тяготить раннее вставание, да и трёхсменная работа нарушала нормальную жизнь. Утром надо вставать в 5 часов, а когда работаешь в третью смену, то возвращаешься в час ночи. Ни себе, ни Маме покоя нет. В свободное время я стал ходить в контору шахтоуправления. У меня была привычка здороваться со всеми, кто старше меня. Наверное, одному начальнику я или надоел, или примелькался своими - «здравствуйте», и он остановил меня вопросом - а вы где работаете, молодой человек? Я рассказал не только, что работаю табельщиком, но и много больше - что я учусь, что живу с Мамой, что в три смены мне тяжело работать. Выслушав мой рассказ, мужчина показал на дверь, где было написано «Маркшейдерское бюро». Он улыбнулся и сказал, найдёшь свободное время, зайди на беседу.

Как оказалось, со мной разговаривал главный маркшейдер шахты, это по своему положению третье или четвёртое лицо на шахте. Невысокого роста, лысоватый, на одну ногу прихрамывал. Когда разговаривал, то у него был виден золотой зуб во рту, вот моё первое впечатление.

Через пару дней, когда я работал в первую смену, мне нетерпелось скорее освободиться и пойти в маркшейдерское бюро. В первой комнате, наклонившись к планшетами, сидели двое мужчин. За другими столами сидели молодые женщины, кто с арифмометром, а кто с чертёжными принадлежностями. Слева была ещё одна дверь, на которой написано – главный маркшейдер. Я поздоровался и, указывая на дверь, спросил, а туда можно? Почти в один голос все женщины ответили, можно! Открыл дверь – «А! Молодой человек,ходи,ходи» - весело заговорил главный маркшейдер, идя ко мне навстречу с протянутыми руками. Здраваясь, он назвал себя - Иван Васильевич Плюснин, я ответил - Леонов Александр. А я думал, что ты уже не придёшь, усаживая меня на стул, сказал Иван Васильевич. Беседа продолжалась минут 20, я рассказал почти всё о себе, кроме раскулачивания и того, что Владимир осуждён.

Иван Васильевич в общих чертах ознакомил, чем занимаются в маркшейдерском бюро, что вся работа основывается на геометрии и тригонометрии. Иван Васильевич одобрил, что я учусь, и заметил - если я соглашусь работать в бюро, то и учиться мне будет легче, так как здесь работа в одну смену с 8.00 до 17.00 часов, с обеденным перерывом на один час, с 13.00 до 14.00. Для тех, кто учится, мы сокращаем рабочий день на один час. Мы можем предложить работу горного съёмщика, но для этого нужно будет подучиться несколько месяцев. Первое время будем платить 150 рб. Если такие условия тебя устраивают, то принеси заявление, и тебе оформим перевод, без увольнения с должности табельщика. Я сказал, что согласен – и написал заявление.

Иван Васильевич очень дружелюбно взял меня за руку, и мы вышли с ним в первую комнату, где сидели все служащие отдела. Он назвал меня - это Саша Леонов, будущий главный маркшейдер. Эту шутку сотрудники восприняли по-разному. Особенно она не понравилась Саше Ступину, он уже работал больше года на должности горного съёмщика, значительную часть работ мог выполнять самостоятельно, а тут, вдруг, какого-то табельщика называют будущим главным маркшейдром. Иван Васильевич назвал по имени и занимаемой должности всех сотрудников, сперва женщин, а затем мужчин. Чтобы загладить свою неудачную шутку, Иван Васильевич назвал Сашу Ступина первым моим учителем, что явно было ему по душе.

Учёба моя началась с того, что Саша Ступин поручал мне, когда мы отправлялись на замеры в шахту, нести прибор с футляром весом около 6-ти кг, цифровую рейку в футляре весом 3-4 кг, ещё сумку с молотком, гвоздями и жестяными знаками. Общий вес моего снаряжения превышал 11 кг. Мой учитель шёл впереди, неся планшетку весом 200-300 гр. Я на это не обращал внимания, принял такое распределение, как должное - он мой учитель, а я подсобный рабочий. Трудности я испытал под землёй, когда мы стали подниматься по узким

лестницам из одного места работы в другое, тем не менее я не подал никакого вида, что мне трудно. Так продолжалось несколько дней и вдруг всё резко изменилось. Теперь, отправляясь на работу, мой учитель взял на плечо прибор с футляром, а мне передал цифровую рейку и сумку с принадлежностями. Вид у учителя был мрачный, явно что-то произошло. Когда мы спустились в шахту, он бросил мне упрёк, почему я пожаловался начальству. Для меня это было неожиданно и как оскорбление, поэтому я совершенно спокойно ответил, что на старших я не жалуясь. Видимо, слово «старших» ему понравилось, и он тогда спросил, а кто же донёс главному? Оказывается, кто-то из женщин отдела о таком несправедливом распределении тяжестей сообщили Ивану Васильевичу. Я не знаю, когда у них состоялся разговор, мне об этом никто не говорил. Через какое-то время Саша Ступин понял, что я ни в чём не виновен, и он стал дружелюбно относиться ко мне.

В шахту мы спускались на два-три часа и к обеду всегда возвращались в отдел. Иван Васильевич каждый день хотя бы на один-два часа приглашал нас с Сашей к себе в кабинет для решения практических задач. То, что мы под землёй измеряли (углы, расстояния), нужно было нанести на планшет подземных выработок. Для расчётов нужно было применять тригонометрические функции. Примерно через неделю Саша перестал, под различными предложениями, приходить на занятия. Иван Васильевич мне рассказал причину этого. Саша Ступин хороший парень, сказал Иван Васильевич, но у него всего четыре класса образования. Ему 26 лет, он женат, имеет одного ребёнка. Занимается подсобным хозяйством, о повышении своего образования он и говорить не желает, ему стыдно сидеть с тобой, когда он видит, что ты легко разбираешься в тригонометрии. Через несколько месяцев Саша уволился и перешёл работать туда, где непосредственно добывают уголь. Их называют забойщиками и откатчиками.

Иван Васильевич настойчиво опекал меня, бывали моменты, когда мне приходилось краснеть из-за допущенных ошибок в расчётах. Имевшиеся пробелы в знаниях я навёрстывал своей усидчивостью, мне было интересно, и я просиживал допоздна, нередко отказываясь от многих развлечений со своими друзьями. Я могу бесконечно долго вспоминать и рассказывать об Иване Васильевиче, его бескорыстной, я бы сказал, отцовской заботе обо мне. Он искренне хотел, чтобы я получил высшее образование и вернулся на шахту в маркшейдерское бюро. Мой возраст был такой, что я мог и оступиться, однако Иван Васильевич внимательно и ненавязчиво следил за моими успехами не только на работе, но и в школе. Мне кажется, он больше меня радовался, когда я закончил 8 и 9 классы без единой четвёрки.

В 1938 году Тася родила сына, назвали его Альбертом, или Алик. Мама была рада появлению на свет первого внука. На снимке Алик в возрасте 6 месяцев. Хорошо видна рука Мамы, она

придерживает из-за ширмы внука. Ну, что мешало Маме взять внука на руки и сфотографироваться вместе, какая была бы хорошая память. Это была бы третья фотография в её жизни.

Ещё не исполнилось Алику и годика, как Тася забрала его от нас. Работая в мужской парикмахерской, она познакомилась с мужчиной, занимавшим высокий пост на производстве. Любовь свела их, они поженились и уехали в город Новокузнецк.

Летом 1940, после получения аттестата об окончании средней школы, мы много беседовали. Иван Васильевич уже не настаивал о моём немедленном поступлении в горный институт. Обстановка в мире пахла порохом, поэтому было понятно, что ни институт, ни бронь, которая у меня была, не спасут от призыва в Армию. В моей броне указывалось «освобождается от призыва в Вооружённые силы сроком на три месяца, в случае объявления войны». Иван Васильевич своих предположений не выдвигал, он только спрашивал меня, что я думаю делать? В сентябре 1940 года я выложил своё решение идти добровольно в Армию. В первое мгновение Иван Васильевич удивился, но когда я ему изложил свои соображения, он как-то с облегчением вздохнул: наверное, ты, Саша, прав - были его слова. Мои соображения состояли в том, чтобы попасть в Армию, прослужить там хотя бы несколько месяцев до какой-либо заворухи, получить необходимые навыки. Тех ребят, которых призывают с началом войны, как правило, бросают в самое «пекло» неподготовленными, как живой щит. Может быть, в то время я думал не совсем так, но то, что я сделал, как я поступил, подтвердила сама жизнь.

Как-то мы сидели с Мамой вдвоём, разговор был ни о чём, вот бывает же так, что конкретной темы нету, и разговор бежит с одного на другое. Разговор дошёл до погоды и до солнца. И тут Мама уже серьёзно начала говорить про солнце. Один раз солнце вело в заблуждение Маму. Когда она приехала в Сибирь, то первые дни солнце восходило не в том месте, как это было на Смоленщине, а совсем в другом. Мама растерялась, не может понять, что случилось, как-то, говорила она, у меня всё перевернулось, я подумала, не наступает ли какая беда. Дождавшись Отца, Мама рассказала ему, думала, он не поверит ей, будет смеяться. Однако Папа подтвердил, что с ним тоже было такое, но скоро прошло. Действительно, скоро и у меня - говорила Мама, все прошло. С подобным фактом я сам столкнулся много лет спустя. Приехав на отдых в Палангу, я обнаружил, что солнце восходит и заходит в другом месте, чем в Каунасе. Вот здесь я и вспомнил Мамин рассказ. Оказывается, такое явление закономерно, может, только его не каждый замечает.

Мне казалось, что Степан просто издевается над своей гармошкой, его правая рука бегала по клавишам сверху и снизу вверх, а левая то мелкими движениями трясёт мехами, то растянёт так, будто меха вот-вот разорвутся. Оказывается, он разучивал новую песню «Светит месяц». Там есть такие слова: «Светит месяц, светит ясный, светит красная луна». Гармошка должна выговаривать мелодию так, чтобы без слов можно было понять эту песню-тра-та та та,

тра та та, тррра та, тррррр. Правая рука всеми четырьмя пальцами по очереди, бьёт молниеносно по одной клавише, а левая - не растягивает мех, а на месте, трясёт его и гармошка издаёт нужные звуки. Словами не расскажешь, надо видеть лицо, руки гармониста и слышать мелодию, которая льётся из гармошки. Вот за исполнение этой песни на городском конкурсе гармонистов Степану присвоили первое место. В городской газете появилась заметка об итогах конкурса, там было написано: «Победителя конкурса гармонистов Леонова Степана Прокопьевича наградить бесплатной путёвкой в санаторий Евпатория». У нас дома была вырезка из газеты, но где-то после войны я её не нашёл.

Летом 1936 года Степан уехал в санаторий, есть снимок, он сфотографирован с молодым человеком, но по возрасту старше Степана.

На фото Степан выглядит настолько хорошо, что нельзя допустить даже в мыслях, о какой-то болезни у него. Вглядитесь, как подогнана одежда на нём, кажется, для него самым простым делом является одеть рубашку и галстук, подобрать по цвету галстук к костюму. Откуда и когда он успел впитать в себя эти благородные качества, ведь в то время Степану было 19 лет, из которых, минимум три года, он не поднимался с постели.

В процессе обследования состояния здоровья Степану посоветовали сменить климат сибирский на крымский. Вот с этой проблемой Степан возвратился домой после лечения в санатории. Не знаю - кто посоветовал, или Степан самостоятельно избрал местом своего пристанища город Керчь. По мнению Степана, там будет легче найти работу. После расчёта на шахте Степан пришёл домой возбуждённый, его растревожили тёплые проводы, которые ему устроили товарищи по работе. Ему вручили деньги, какую сумму не знаю, две рубашки под галстук, бритвенные принадлежности, часы карманные с цепочкой, кожаный чемодан, несколько маек, трусов. Самый большой вклад внёс председатель профкома - его инициатива и его заслуга, прежде всего. Степан как-то задумался, видимо, внутренние противоречия всё-таки боролись в нём - правильно ли поступаю, что ждёт впереди.

Фактически ведь Степан только только начал жить, всего шесть лет как он встал на собственные ноги, упорно добивался успехов, пусть ещё совсем маленьких - но это были его победы.

Степан устроился на работу в городе Керчь, на завод Электросталь. Обстановка, писал Степан, совсем другая, хуже, чем в Прокопьевске, но жить можно. Ему дали место в

общежитии, но он думает где-то устроиться на квартиру, денег хватает. Был на консультации у врача, вроде плохого ничего не находят, но говорят, что надо время, будем наблюдать, проверять и делать выводы. Во всех последующих письмах Степан стал писать, что у него обнаружили одну больную почку. Почка лечению не поддаётся, врачи решают, что с ней делать. Чтобы успокоить Маму и склонить нас всех к мысли о необходимости операции, Степан стал описывать, что есть люди, у которых одна почка, организм справляется, и они живут долго. Мы так и поняли, у него созрело решение, делать операцию. Степан писал, что у него скоро отпуск, он приедет, и все вместе хорошо обсудим.

Летом 1938 года Степан приехал в Прокопьевск, по его внешнему виду и по поведению, нельзя было сказать, что он болен. На фото, где мы троём - Степан, Михаил и я, Степан выглядит ещё красивее, чем был. Дома он провёл дней 20, и все разговоры склонялись к одному, без операции не обойтись. Пока я молодой, говорил Степан, надо делать операцию.

Риск есть, так говорят врачи, но без операции риск ещё больше. С этой мыслью он уезжал, с этой мыслью он оставил нас. В начале зимы 1938 года Степан прислал письмо уже из Москвы, что приехал на консультацию. Писал, что сперва сделают все анализы, ещё и ещё раз проверят, потом будут принимать решение. Если найдут нужным, то будут делать операцию, я на всё согласен, такие были его слова. В декабре 1938 года пришла телеграмма. Больница сообщала, что Леонов Степан Прокопьевич умер и просьба решить вопрос о похоронах.

Горе не покидало нашу семью, оно как лавина какая-то накатывается и накатывается. Немного притихнет, вроде бы хватит уже нам этих несчастий, но нет, лавина эта бьёт с новой силой, да ещё во сто крат сильнее и больнее. Где и у кого искать защиты, от кого ждать помощи? Как подойти к Маме с таким известием, как утешить её? Есть ли такие слова и придут ли они мне на память в этот миг в эту минуту? Ведь мы с Мамой оказались лицом к лицу с этим горем. Рядом нет больше никого, кто бы мог разделить с нами такую печаль, такой удар судьбы. Я прочитал телеграмму, Мама зарыдала, мы обнялись и простояли какое-то время. Мама говорила, что у неё все эти дни были плохие сны, предчувствия какого-то горя и вот оно свалилось. Зачем он согласился на эту операцию, причитала Мама. Может, всё бы и обошлось, ведь как красиво он выглядел в свой последний приезд! Наверное, сказал я, он много пережил,

когда мы его возили на санках, когда он ходил на костылях. Такой жизни он больше не хотел, поэтому и решился на операцию, он очень хотел жить. Вот эти мои слова «он очень хотел жить» Маму ещё больше расстроили. Я уже не рад был, что сказал их. Долго мы ещё то стояли, обнявшись, то сидели рядом, пока я не напомнил, что надо собираться в дорогу.

Прямого поезда на Москву не было, предстояла пересадка в Новосибирске. Я не знаю, в связи с чем было такое скопление народа, вокзал был полон, хотя по своим размерам он был громаднейший. Когда касса открылась, я подал телеграмму, и мне дали билет. Ещё один мужчина получил билет и от радости предложил мне закусить. Мы устроились прямо на полу, он развернул свои продукты, и мы спокойно стали закусывать. Радио было плохо слышно, но из обрывочных слов стало ясно, что какой-то поезд отправляется. Мы кинулись на перрон, но было уже поздно, наш поезд давно ушёл. Оказывается, на проходящие поезда касса продаёт билеты после прибытия поезда, значит, у нас не было времени на закуску. Кассирша ругала меня, но не очень, наверное, подумала - что можно взять с меня - сопляка, но уж как она ругала моего друга по несчастью, даже мне было стыдно. Оказывается, было всего два билета на проходящий поезд, мы сами не уехали и не дали другим людям уехать. Через несколько минут мне дали билет, кассирша предупредила, чтобы я бежал скорей, а то больше билетов не даст. Вот с такими приключениями я добирался до Москвы.

С большим трудом отыскал Петровские ворота и больницу № 26, этот адрес был указан на телеграмме. Куда идти, я не мог решить, ноги меня не слушались идти искать Степана. Сперва я пошёл к сторожу, который жил со двора. Сторож старый человек лет 70-ти, звали его дядя Вася, выслушал меня, а потом откровенно с удивлением спросил – «что же ты сынок будешь делать, ведь здесь Москва? А где ты будешь жить?». Я сказал, что у меня нет никого в Москве. Я рассказал дяде Васе всю семейную трагедию. Вскоре пришла его жена, он назвал её Вера, она была тоже старенькая. Я встал и сказал, что сейчас пойду к больничному начальству, надо решать вопрос с похоронами, буду просить, может, помогут с жильём. Дядя Вася заявил, что пойдёт со мной, покажет своё начальство, но жить ты будешь у нас, сказал он, мы тебя с Верой примем, как сына. Такого внимания ко мне я не ожидал, это было моё спасение. Позднее я узнал, что у них был один ребёнок, но он умер ещё маленький.

Дядя Вася повёл меня к главному врачу, рассказал, кто я и показал телеграмму, по которой я приехал, а сам вышел.

Главврач, видимо, понял без дополнительных объяснений, что я похоронить своего брата на кладбище не смогу, кладбище находится в 70-ти км. от Москвы. Он мне разъяснил суть дела. Если я буду хоронить на кладбище, то фактически забираю тело Степана из больницы. Больница выдаст тело Степана – и на этом их забота заканчивается, остальное я должен делать сам. А что значит сам? Надо получить место на кладбище, вырыть могилу. Заказать машину и людей для перевозки тела из больницы на кладбище и захоронить Степана.

А похоронное бюро может не дать разрешение на похороны, ведь Степан не прописан в Москве. Конечно, при больших деньгах можно было все эти вопросы решить без проблем, а у меня таких денег не было. Значит, остаётся один выход - сжигать Степана в крематории. В этом случае больница принимает участие в похоронах. Теперь, сказал главврач, мы сделаем заказ на кремацию, а из крематория нам сообщат, в какой день и в какой час доставить туда тело вашего брата.

Мне хотелось бы, сказал я, побеседовать с врачом, который делал операцию брату, с сёстрами, дежурившими в палате, когда брат ещё был жив, ну и самого брата хочу увидеть. Вас проводят, сказал главврач.

Хирург, делавший операцию Степану был пожилой, лысый, очень здоровый мужчина. Может быть, в порядке оправдания он уточнил, что операцию делает не один врач, а целая бригада врачей и других специалистов. Я был в составе этой бригады, сказал он. Удалить почку даже врач с золотыми руками один не может. Нас, хирургов, было двое, и двое стояли в готовности заменить кого-либо из нас, если бы потребовала обстановка. Но обстановка не потребовала замены хирурга, операция прошла нормально. Ваш брат после операции жил ещё целый месяц. Ничто не предвещало такого исхода. Все мы думали, что дело идёт на поправку, и ваш брат был в этом уверен. Но в ночь на 31-ый день после операции случилось кровоизлияние в мозг, от которого спасения не было. Мы, врачи, делавшие операцию, хотя и не признаём себя виновными, но мы все восприняли смерть, вашего брата с чувством горечи. От имени всех врачей он выразил мне соболезнование.

В палате, где лежал Степан, больных не было. Из сестёр, видевших и говоривших со Степаном при его жизни, в это время на работе не было. Я не смог узнать хоть какие-то мелочи из жизни Степана в его последние дни. Мне такой ответ не понравился. Как это нет ни одной сестры, которая дежурила и видела Степана, говорила с ним, выполняла какие-то его просьбы, делала ему процедуры. Потом я рассудил по-другому. Ведь это больница, пусть не часто, но смерти бывают. Что же тут будет, если каждый раз родственники начнут приходить в палату и,, заливаясь слезами, будут тянуться к предметам, которых касались руки умершего их человека, оплакивать кровать, на которой он спал, на которой он умер. Наверное, по этой причине мне отказали встретиться с сёстрами, видевшими Степана в течении более чем месяц пребывания в этой больнице.

В морге Степан лежал на тележке, тело было прикрыто простынью. Когда я подошёл, дежурный снял простынь. Степан лежал левым боком ко мне, головой к окну. Какой же он был большой ростом! Волосы были пушистые, точно такие же, как на фото из Евпатории. Я поцеловал Степана и погладил его волосы. Степан был выбрит. Лицо не изменилось, было спокойным, немного синеватым. С правой стороны, в районе позвоночника, виднелась рана, видимо здесь вынимали почку. Ноги и всё тело были прямыми, как струна. На груди, на

животе, на ногах был пышный волосяной покров. Я подумал, вот все говорят, если на ногах, груди растут волосы, то значит человек счастливый. Вот тебе и счастливый!

Только 5 месяцев тому назад мы с ним сидели, разговаривали, прощаясь, обнимались, целовались, и вдруг нет его, такого близкого, родного и любимого нашего Степана. Я не плакал, но спазмы душили меня. Ещё раз поцеловав Степана, и погладив его волосы, я вышел на улицу.

Когда я вернулся из морга, то дядя Вася и тётя Вера без всяких расспросов усадили меня за стол и хорошо накормили. Вот с этими старыми людьми мне повезло. Что бы я делал без них, без их помощи? Вот так, как родной сын, я у них прожил почти неделю, пока завершились дела с похоронами. Кроме как «сынок», они меня по-другому не называли.

Кремация Степана состоялась через два дня. Я был у дверей морга, когда пришла машина. Когда стали выносить гроб с телом Степана из морга, то я увидел стоявших дядю Васю и тётю Веру, значит, и они пришли проводить моего брата. Машина была крытая, и мне разрешили сидеть в ней. В крематории гроб с телом Степана поместили на тележку, а мне сказали идти в зал прощаний. Когда я поднялся в зал, то увидел гроб, стоящий на небольшом пьедестале. Мне разрешили подойти для прощания. Степан лежал как живой. Одет был в белую рубашку и повязан голубой галстук. Костюм на нём был тот же, в котором он уехал в Евпаторию. Ноги до колен были покрыты серым полотном. Я стоял у головы Степана, положив руки на его волосы и лицо. Объявили, что прощание окончено, я склонился, поцеловал Степана, меня за руку отвели от пьедестала, и я увидел, как гроб медленно стал уплывать вниз. Мне сказали, если я желаю увидеть кремацию, то нужно спуститься к печи.

Когда я спустился, то увидел Степана, лежащего в гробу перед дверью, головой вперёд. Дверь печи открылась и одновременно с этим тележка с гробом покатила внутрь. Тело Степана охватило пламя, дверь закрылась. Мне показали стеклянный глазок в печи, мол, можешь наблюдать, как происходит кремация. Но кроме бушевавшего пламени ничего не было видно. Я даже пожалел, что пришёл смотреть эту страшную картину. Мне сказали, что температура в печи до 1000 градусов и через 1,5 часа останутся только пепел от бывшего человека. Останки можно получить на следующий день в галерее крематория.

Уходя от печи, я чувствовал в себе полную опустошённость. За что на меня легла такая ответственность, постоянно крутился в моей голове этот вопрос - сжигать такого близкого мне человека.

В галерее крематория, на следующий день, я заказал урну, и указал какую надпись нужно сделать на ней. Ещё через сутки я получил урну и жестяную баночку с прахом Степана. Баночка небольшого размера, весом около 500 гр. Урна изготовлена из спрессованного картона, белого цвета. Высота урны 45 см., а боковые стороны по 23 см. Дно урны вынимается и туда вставляется баночка с прахом.

На одной из сторон урны сделана надпись:

ЛЕОНОВ

СТЕПАН ПРОКОПЬЕВИЧ

1917 - 1938

Дядя Вася и тётя Вера - мои опекуны, вечная им Память! - глядя на урну, говорили, каково будет твоей Маме. Ты ей привезёшь вместо сына его косточки. Действительно, это меня пугало больше всего.

Мне даже и в голову не пришло идти и разыскивать вещи Степана. Я увидел, в чём Степана положили в гроб, а если что-то осталось, то пусть будет как память о нём.

На следующий день я покинул моих добрых опекунов. Покинул Москву, отнявшую у меня брата.

Всю дорогу, а ехать нужно было 4 или 5 дней, я провёл в раздумьях, в тревоге за мою Маму, ведь она не смыкает своих глаз, заливаясь слезами.

В Прокопьевск поезд приходит ранним утром, но я не спешил идти домой. Пытался придумать, как войти в квартиру, как нести урну, как обратиться к Маме, что ей сказать. Однако мысли путались, умного ничего не приходило в голову. Вот так, с тяжёлыми мыслями, с деревянными ногами, я открыл дверь. Мама не спала, она сидела на своей кровати и смотрела на плиту, на горевший в ней огонь. Мама вскочила, потом опять присела на кровать, протянув руки в мою сторону. Здравствуй Мама, были мои слова. Я подал урну и сказал, пойдём, Мама, в комнату, тебе надо поплакать, будет легче. Я знаю, все эти дни ты проливала слёзы и, может быть, у тебя они совсем высохли, но ты поплачь. Мы, обнявшись, вошли в комнату, сели в переднем углу, где висела икона. Мама взяла к себе на колени урну и, наклонив на неё голову, тихо заплакала. Я не останавливал её, поглаживал по голове и плечам. Когда я уходил по своим делам, Мама вроде переставала плакать и обещала воздерживаться от слёз, а когда я возвращался, то видел её заплаканной. Ещё больше Мама начинала плакать, когда приходили соседки посмотреть на урну.

Только весной 1939 года Мама стала приходить в себя. Я видел, как она в тряпочках замачивала рассаду, ставила баночки на окно, а потом хлопотала около них. Я и сейчас вижу её сидящей около мешка с картошкой. Оказывается, из целой картофелины Мама извлекала двойную выгоду - отрезала ту часть, где есть ростки - это для посадки, а ту часть, где нет ростков - это шло в пищу. У Мамы всегда урожай картофеля был хороший.

Каждый работающий человек, по своему желанию, имел право получить участок земли, от своего предприятия, для подсобного хозяйства. С приездом в город мы всегда получали эти сотки, сперва Владимир на Голубевке, затем Иван и я от шахты Манеиха. В основном мы высаживали картофель. Основной рабочей силой были мы с Михаилом и, конечно же, главный агроном - Мама.

Неимоверные трудности приходилось преодолевать весной при обработке земли перед посадкой картофеля, особенно в первый год, когда выделяли целину. На первый взгляд участок маленький, а когда его нужно вскопать лопатой собственными руками, то он превращался в бескрайнее поле. Правда, мы с Михаилом справлялись с этой работой в течение одного дня. Посадка картофеля тоже имела свои трудности, нужно было подготовить гнездо, эту работу мы выполняли с Михаилом, а Мама высаживала рассаду, в эти гнёзда. Таким же составом мы приходили пропалывать и окучивать картофель. А вот для уборки урожая уже привлекали Ивана, а позднее и его молодую жену Тасю. Вот, что не помню, то не помню, как мы доставляли картофель с поля домой, или на тележках собственного изготовления, или нанимали лошадь с телегой. Надо заметить, что в то время не было понятия покупать картофель или какие-то овощи в магазине, да я и не знаю, продавались ли они там. По крайней мере, нам картофеля хватало до нового урожая, хотя мы её ели, что называется, жареной, пареной и даже Мама пекла пирожки с картошкой - очень вкусно!

Письма от Владимира и Ивана стали приходиться чаще, но они не обещали скорую встречу. Только Миша писал, что летом приедет и будет до осени вместе с нами. Это Маму обрадовало, она ждала этих дней, она жила мыслью о встрече с Мишей. Мне было тоже радостно, нам втроем будет легче, хотя Миша приедет всего на пару месяцев.

У меня на работе дела шли хорошо, не только Иван Васильевич, но и все сотрудники отдела с душевной теплотой откликнулись на смерть моего брата Степана. Это он, конечно же, Иван Васильевич, добился и мне выдали материальную помощь в размере месячного оклада - 150 руб. Порой даже было неудобно себя чувствовать, когда женщины отдела уделяли мне повышенное внимание. Они все знали, что я остался один с Мамой, наверное, это тоже вызывало у них нежные чувства и ко мне, и к моей Маме. Такая обстановка заставляла, обязывала меня добросовестно относиться к своей работе и к этим милым людям, работавшим рядом со мной. Хотя, я должен заметить, мне не требовалось переламять себя, я и до этого был тихим и вежливым, на работу не опаздывал, был услужлив, ведь я был самым молодым в отделе.

После увольнения Саши Ступина, меня назначили горным съёмщиком, а на вакантное место приняли молодого парня, жителя посёлка. Теперь в роли учителя оказался я. Иван Васильевич продолжал ежедневные занятия со мной, новый паренёк имел образование 6 классов, так что его к занятиям не привлекали.

О маркшейдерском деле можно рассказывать бесконечно долго, оказывается, это настолько интересная наука, что один раз с ней познакомившись, невозможно с ней расстаться. Без маркшейдерской службы невозможно развитие горнодобывающей промышленности. Только один пример. Наша горбольница была построена без достаточной геологической разведки. Когда шахта Манеиха начала подземные выработки, то оказалось, что больница

построена на самом мощном участке залегания углей. Благодаря маркшейдерской службе, удалось приостановить выемку углей под больницей и тем самым сохранить такой дорогостоящий объект. Ведь там, где добыча угля состоялась, там образовались пустоты, которые заполняются с поверхности земли нерудными материалами (камень, песок, шлаки). Однако, всё равно, через определённое время происходят обвалы на поверхности земли, были случаи, когда проваливались какие-то строения.

Летом 1939 года приехал Миша, правда, на этот раз его каникулы были короткими. После окончания института его направили на работу по распределению в сельскую школу в той же Томской области. Но вот ни деревни, ни района я не помню. Мише надо было приехать в деревню дней за 10 –15 до начала занятий, прежде всего, представиться директору и всему коллективу учителей, ознакомиться с программой и расписанием уроков, ну и найти себе жилище. Вот так Миша обосновал свой преждевременный отъезд из Прокопьевска.

Теперь Миша уже официально назывался – «учитель истории», а это не фунт изюму,

как говорят у нас, когда нужно выразить признание человеку за его заслуги.

Хотя снимок очень мелкий, но можно свободно различить, где дети, а где учителя. Наш Миша выглядит солидно, ведь он классный руководитель, а это его 6 б класс.

Миша рассказал, что последние полгода учёбы в институте были трудными. Прежде всего - подготовка к защите диплома. Ну и почти ежедневно планировали проведение уроков в какой-то школе города, то в 6-м, а то и в 10 классах. На занятиях присутствовали какие-либо контролёры, поэтому приходилось выдерживать серьёзные испытания. Хорошо то, говорил Миша, что проведение уроков в школах планировалось заранее, можно было подготовиться и при проведении занятий не дрожать. Такая мера подготовки будущего учителя, по мнению Михаила, была очень важной.

Вот так, мой брат Миша выбрал себе путёвку в жизнь, какой она будет, зависит не только от него. И он, и я не сомневались, что со стороны Миши будет сделано всё, чтобы нести достойно эту тяжёлую ношу просвящения детей.

Я не хотел бы сейчас ещё раз возвращаться к памяти Степана, но и не вспомнить о нём нельзя. Ведь Миша ещё не видел урну с прахом Степана, поэтому попробуй, обойди стороной его жизнь, его смерть и его похороны. Как бы не старался Миша оттянуть на потом эти тяжкие для всех воспоминания, но всё равно наступил момент, когда мы, захлёбываясь собственными слезами, все втроём, обнявшись, долго рыдали около урны. Может быть, приезд

Миши, вот эти рыдания, явились переломным моментом в дальнейшем поведении Мама, она в заботе и хлопотах о дорогом госте как-то отключилась от тёмных мыслей. Мы с Мишей старались не касаться воспоминаний о прожитом. Время бежало неумолимо быстро, Миша постоянно находился дома, чем-то помогал Маме, а когда я возвращался с работы, то пару раз отлучался на встречу со своим школьным другом.

Так каникулы подошли к концу, время покидать родное гнездо. Мама на этот раз настояла на том, что пойдёт вместе с нами на вокзал провожать Мишу, мы не возражали. Миша взял инициативу в разговорах на себя. У него это получилось удачно, он начал рассказывать про Томский цирк, как он с друзьями ходил смотреть выступления борцов. Он так увлёкся воспоминаниями, что незаметно подошло время посадки. Во время прощания Мама заплакала, но это было какое-то мгновение. Она взяла себя в руки и больше не плакала, хотя это давалось ей с трудом. Домой мы возвратились молча, каждый со своими мыслями.

Миша ещё до начала нового учебного года, то есть до первого сентября 1939 года прислал письмо и денежный перевод на 100 рублей. Оказывается, ему выплатили подъёмные пособия. Мы были рады такому подарку, хотя теперь мы не бедствовали, ведь я работал. Миша писал, что нашёл комнату за недорогую плату. Хозяева – старые люди – приняли его хорошо, с большим почтением относятся к учителям, а я – пишет Миша, ведь учитель. Мама молилась и благодарила Господа Бога.

В 1940 году Миша к нам не приехал, но письма приходили регулярно, в этом отношении его упрекнуть нельзя. Периодически от Миши приходили денежные переводы, но Мама всё заботилась, а как он там, лучше бы вместо денег приехал сам. По какой причине Миша не приезжал, сейчас я точно не могу сказать, но предположительно, он готовился к свадьбе.

Невесту он выбрал из местных жителей, тоже учительница, работает в этой же школе. Как и Михаил, она из семьи раскулаченных, вот что значит судьба. Невесту, потом и жену, звали Швецова Валентина Ивановна. В отличие от Михаила, у Вали живы были оба родители, с которыми они прожили вместе долгие годы.

Мысль о добровольном уходе в армию меня не покидала в течение всего лета 1940 года. В переписке с Михаилом я неоднократно сообщал ему о задуманном. Миша категорического возражения не высказывал, тем более он брал материальную заботу о Маме на себя, так что с этой стороны препятствий не было. Мама возражений не высказывала, тем более, когда Миша устроен хорошо, оказывает и обещает оказывать поддержку. Мама была уверена, что Владимир тоже должен скоро вернуться, так что иди служи - говорила она - пока у меня ещё есть здоровье. Приближалась осень, когда идёт призыв новобранцев в армию. Я написал заявление в Горвоенкомат с просьбой призвать меня добровольно в Красную Армию.

Мне отказали, так как у меня есть бронь от призыва в армию. Я написал второе заявление и лично обратился к Военному Комиссару, который мою просьбу удовлетворил. Мне выдали повестку, в которой предписывалось в течение 24 часов рассчитаться по месту работы и прибыть к 12 часам 15 сентября 1940 года в Военкомат.

Когда я получил повестку, то задумался, а не совершаю ли я непоправимую ошибку, но пока я добирался до шахты, то эта хандра у меня прошла. На шахте задержек не было, меня рассчитали, т. е. выплатили деньги за отработанное время и выдали так называемое выходное пособие в размере двухнедельного заработка. В общей сложности я получил рублей 250. В маркшейдерском бюро прощание было коротким, но очень тёплым. Мой опекун – Иван Васильевич – проводил меня далеко, за пределы шахты. Его напутственными были слова: «Счастья тебе и возвращаясь, я тебя буду ждать». Прощание с Мамой было для меня тягостным. До выхода из дома оставалось меньше суток, это вечер, ночь и следующий день до 11 часов. Мама, хотя и знала, что я уйду в армию, но когда я сообщил ей, что уезжаю завтра, то это для неё было каким-то ударом. Но она скоро пришла в себя. У меня на душе было беспокойно, когда я видел глаза Мамы, но отступить уже было поздно. Мама какое то время была на кухне, я понял, что она собирается заняться стряпнёй мне на дорогу. Во время ужина и после мы не сразу нашли общий разговор. Мама начала вспоминать деревенскую жизнь. Как рожались дети, какими они с отцом мечтали видеть нас. Надо отдать должное Маме, она своим разговором не пыталась вызвать грусть, слёзы о прожитом, а больше всего вспоминала весёлые эпизоды из жизни нашей семьи, как отец привозил из города гостинцы для каждого. Кому конфеты, кому рубашку, одним словом, никого не обходил своим вниманием. Я ещё раз убедился, что у моих родителей была крепкая дружба и настоящая любовь. Меня - говорит Мама - одаривал красивыми кофтами, полушалками. И действительно, я вспомнил одну очень красивую Мамину кофту, выразил свою радость вслух, и Маме это было очень приятно. Вот так мы засиделись допоздна. Я был рад, что мы не размочили свои глаза, мне кажется, и у Мамы было такое же чувство.

Рано утром мне было слышно, как Мама хлопочет на кухне, но я решил не тревожить её, да и самому хотелось поваляться, ведь это последний раз. Когда удастся и удастся ли вообще вот так понежиться под тёплым одеялом, вслушиваясь в близкое дыхание своей Матери. Ещё и ещё раз возникали сомнения в голове, может, я совершаю непростительную ошибку, оставляя одинокой свою мать-старушку. В голове начинали переворачиваться такие кошмары, что хоть криком кричи, я вынужден был выскочить из-под одеяла и выйти на улицу.

Мама не только настряпала пирожков с мясом, но постирала, выгладила и приготовила в дорогу почти все рубашки, майки с трусами. Смеясь, я рассказал Маме, что в армии главное не остаться голодным, а для этого, в первую очередь, нужно иметь при себе котелок и ложку. Так шутя, я стал кушать, а Мама тихо смотрела на меня, не притрагиваясь к

еде. Когда я сказал, что тоже не буду завтракать, тогда Мама съела один пирожок, запивая чаем. Мама спросила, а где же твои друзья, что, они не придут провожать? Я с ними виделся и попрощался вчера, когда возвращался с шахты, а кому было мало, пусть приходят на сборный пункт, вот такой был мой ответ.

Мама вспомнила, как раньше провожали ребят в солдаты, тогда вся деревня гуляла, сперва пили водку, потом дрались, а сейчас хорошо, тихо. Вот за такими разговорами пришло время уходить. Я одел свою походную одежду, особенно мне нравились фланелевые брюки, сшитые Мамой, там был широченный клёш, а тогда такие брюки были в моде. Я хвалил эти модные брюки, не для того, чтобы угодить Маме, а самым серьёзным образом, я обожал эти брюки. Перед уходом мы с Мамой присели на её кровать, я в мыслях порадовался, что никто нам с Мамой не мешает спокойному прощанию. На крыльце мы ещё раз обнялись с Мамой и я, спустившись по ступенькам, подошёл к калитке. Вдруг я услышал Мамин голос - «сынок, вернись на минутку». Когда я обернулся, то увидел рядом с Мамой женщину, ранее мною невиданную. Меня как-то передёрнуло, я помнил, что возвращаться нехорошо, если ты куда-то отправляешься по делам. Однако делать было нечего, ведь звала Мама, надо вернуться. Я вернулся на крыльцо, женщина взяла меня за руку и мы втроём вернулись на кухню. Женщина перекрестила и подтолкнула меня на крыльцо, я отсчитал, запомнившиеся на всю жизнь, семь ступенек нашего крыльца и вышел за калитку. Обернувшись, я посмотрел на Маму, слёз на её глазах не увидел, тогда с облегчением двинулся своей судьбе на встречу.

Таким я уходил в Красную Армию. На снимке мне 19 лет.